

*Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету —
взойти к Нему на утренней заре,
иль на вечерней... в полудреме ветра...*

Зоя Колесникова

Нильс Бор, да, да, тот самый Niels Henrik David Bohr, как-то сказал: «Тот, кто не был потрясен при первом знакомстве с квантовой теорией, скорее всего, просто ничего не понял».

Наше погружение с Верой в квантовый мир началось в мае этого года. До того мы благополучно жили ни много ни мало по законам общечеловеческой ньютоновской механики. Пока из Москвы в провинциальный педуниверситет, в котором Вера заведовала гуманитарным факультетом, в ауре столичных божественных энергий не прибыла московская комиссия с особыми полномочиями. Настоящий десант атакующе высадился во всех стратегически важных кабинетах «педа», включая ректорский. Их было человек около двадцати, но от них строго веяло революционной решимостью былых энкавэдэшных троек. Министр образования так-таки принял

решение об укрупнении вузов, о котором уже почти год по стране ходили недобрые слухи. Само собой, было это сделано с вдохновенной оглядкой на Запад. Скажем, на тот же Калифорнийский университет. Как логичное продолжение реформ ЕГЭ или сокращение времени на изучение русской литературы и языка.

Все элементарные частицы превращаются друг в друга, и эти взаимные превращения — главный факт их существования.

В нашем провинциальном городке реформаторский выбор пал на «пед» и на «политех». В связи с этим многим вспомнились строки Александра Сергеевича о том, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Хотя, если уж быть точным, лань и саму по себе никак не подрядить тащить телегу. Конюха такого ловкого вам отродясь не сыскать, чтобы ее обрядить в сбрую. Потом же правильнее говорить, что коня сздают, а запрягают — лошадь.

Как бы там ни было, с первых дней приказного слияния самым распространенным словом между сотрудниками «педа» стало: «Не истерить!» Оно влет заменило все прочие. Им теперь и преподаватели, и сотрудники, включая сантехника пенсионера Вяземского, приветствовали друг друга у дверей вуза, его говорили, расставаясь под вечер. Правда, старик Вяземский к этому нервозному интеллигентному выражению для выразительности добавлял емкое словцо на букву «м».

С первого дня исторического воссоединения все сообщения о перекраивании образовательных структур «педа» и «политеха» воспринимались как сводки с фронта. Кстати, заодно было велено по новой московской традиции слово «студент» отложить в архив прошлой жизни, заменив современным четким понятием «обучающийся», «обучаемые», «обучающаяся».

Почти половина сотрудников немедленно обзавелись бюллетенями и торжественно заняли позицию стороннего наблюдателя за ходом реформ. Старейшего профессора педуниверситета Михаила Евграфовича Пантелеевского прямо с лекции о языке поэзии Михаила Ломоносова и Василия Тредиаковского увезли «по скорой» с микроинсультом. В больнице он ко всему еще умудрился сломать ногу, что-то отчаянно доказывая относительно вспыхнувшего костра реформ. А проректор по учебной работе с вузовским стажем в почтенные 60 лет Илья Николаевич Иконников попал под машину, в вакуумной забывчивости шагнув на проезжую часть при красном свете пешеходного светофора.

В итоге вечный полемист всех заседаний и совещаний почетный профессор физик Сергей Дмитриевич Феофанов на внеочередном ученом совете с гневом объявил, что слияние двух галактик во Вселенной происходит менее болезненно, чем в нашей многострадальной России объединение двух высших учебных заведений. В тон ему Роман Игоревич Поддубный, декан физкультурного факультета и тоже «штатный» бойцовский искатель истины, взволнованно сравнил происходящее с той роковой ошибкой, когда больному по ошибке переливают кровь другой несовместимой группы.

По километровым коридорам университета, являющегося издавна охраняемым памятником архитектуры всероссийского значения, неуловимой темной материей стали перетекать слухи о возможной забастовке коллектива.

А как, прикажете, иначе реагировать людям, когда у них на глазах почти вековой истории кафедры и факультеты исчезают в никуда или эволюционируют в некое непонятное новообразование? Кстати, даже диффузия различных металлов происходит естественней и гармоничней, нежели соединение человеческих коллективов.

Конкретно мою Веру в связи с аннулированием гуманитарного факультета переместили с должности декана в кресло директора Научной библиотеки. С мудреной хитренькой приставкой «врио».

Лес рубят, щепки летят. То есть, мы.

Ежесекундно только в видимой части Вселенной рождаются и умирают миллионы звезд.

Вера не устраивала истерик, не проливала невидимые и видимые миру слезы. Она просто как бы перестала быть. Даже забыла о том, что через неделю у нас начинается отпуск. Такой долгожданный еще месяц назад. Никогда в жизни нам не было так безразлично, что у нас появилась возможность вдвоем почти надолго забыть о работе.

...В тот день, вернее, утро, наша с Верой активная фаза жизни началась с раннего телефонного звонка. Вернее, его подобия — некое обессиленное дребезжание моего доисторического домашнего аппарата проводной связи: подлинное детище начала пятидесятых прошлого века, массивный черный телефон с цифробуквенным дисковым номеронабирателем, вида солидного, начальственного, но со звонком уже сиплым, нервно стонающим, просто-таки болезненно дребезжащим.

Старый ворчун, одним словом, глухо подал свой надорванный голос. Этот тяжелый аппарат был похож на огромного угольного жука-рогача, на котором с женской эротичной гибкостью возлежала трубка, замотанная на месте трещины синей изоляционной лентой. Отец как-то говорил мне, что у этого торжественно-парадного аппарата до нас имела место быть весьма непростая, запутанная биография с выходом на самые высшие политические этажи СССР. Не исключено, что он когда-то принадлежал к горстке номенклатурных кремлевских телефонов, и по нему вполне мог говорить Иосиф Сталин. А при Никите Хрущеве этот символ времени уже жил у нас. Несколько раз любители антиквариата из новых русских предлагали нам за него хорошие деньги, но мы не спешили расстаться со своим историческим телефоном. Вернее, доисторическим.

Вообще, я дома после работы и тем более по выходным предпочитаю отключать все устройства для контактов с большим миром, но сегодня в связи опять-таки со слиянием вузов я, как говорится, потерял бдительность и забыл исполнить это. Еще могло сказаться мистическое влияние на русского человека такого особого фактора, каким, несомненно, является первый день отпуска. А это был именно он. Я и моя Вера Константиновна сегодня проснулись отпускниками.

Когда наш ретро-телефон подал голос, мы с ней как раз намеревались начать сборы для поездки на дачу. Само собой, шашлык в этой демонстративно счастливой программе был центральным событием. И я уже благоговейно бредил летучим запахом дымка, насыщенного мясными пряными ароматами.

Я демонстративно небрежно извлек трубку из лона рогатин.

Нам, вернее, Верочке, звонил ее новый начальник лет двадцати восьми, некий Аркадий Большов, назначенный в «пед» со вчерашнего дня

проректором по социально-воспитательной работе. Новый малоизвестный кадр из политеха прежде руководил тамошним Центром культуры и творчества и был выдвинут таинственными тектоническими подвижками реформаторских структур. Он как вулканический островок внезапно появился среди океанской безбрежности. Я недавно видел фотографию Большова в уже соединенной вузовской газете с новым общим названием «Физики-лирики» и отчетливо запомнил его вдохновенно-деловое лицо, светящееся верой в новые успехи на поприще формирования достойного облика современного «обучающегося». Правда, для меня осталось загадкой, в действительную силу чего он больше верит с высоты своих юных лет: плановых митингов, торжественных собраний, круглых столов или Аркадий в глубине души особенно расположен к массовым запускам в небеса обетованные тематических шариков и патриотических флэшмобов вкупе с социально-заостренными автопробегами. Тонкий такой, стройный активист. Высокоенький. В зауженных модных брючках с приоткрытыми голыми глянцевыми щиколотками. Со взглядом, как у комсомольского вожака прошлого века, но манерами сегодняшнего видеоблогера из YouTube.

Разница между неживой и живой материей на атомном уровне полностью исчезает.

Большов заговорил со мной тем формирующимся у него аккуратнотихим руководящим голосом, которому подчиненным желательно трепетно внимать. Не скажу, что я вовсе, до самозабвения, поддался его магической силе, но когда мы с ним начали беседу, я невольно слушал, напрягшись, почти как солдат в строю.

— Мне Вера Константиновну. Это с работы. Большов... — внушительно представился он.

Мой многоуровневый трудовой стаж выработал у меня инстинктивную самозащиту от служебных звонков во время отпуска. Тем более, в его первый день, щенячью радость которого мы с Верой еще даже не успели почувствовать: всем хорошо известно, что из двадцати восьми дней отпуска пятнадцать вы тратите на осознание, что он, наконец, состоялся, три дня отдыхаете, а оставшиеся десять неврастенически готовитесь выйти на работу.

— Ее сейчас нет, — с неизвестно откуда взявшимся нахальным достоинством почти хладнокровно соврал я.

Вера сделала страшное лицо, чем-то похожее на кляксу.

Аркадий Большов строго молчал. Это было похоже на подготовку взрыва некоей психологической вакуумной бомбы.

— Возможно, Вера скоро будет... — снизил я напор своего интуитивного диссидентского отношения к власти на любом ее уровне.

— Я уже пришла... — прошептала Вера, аккуратно помахивая мне ладошками, словно гладила воздух.

— В общем-то, она мне и не нужна! — Большов при всей своей почти мальчишковой изящности как в стену вдавил меня деятельным социально-воспитательным напором. — Передайте Вере Константиновне... В рамках непростых процессов по слиянию вузов нами принято решение о качественном повышении уровня заботы о здоровье сотрудников. В соответствии с приказом ректора всем необходимо срочно пройти профосмотр. Речь идет о многоплановой лечебно-профилактической акции! Для работ-

ников она полностью бесплатная. Все затраты, а это очень даже немалая сумма, взяло на себя Министерство образования! В общем, на все про все вам неделя. Мы ценим способности Веры Константиновны и уверены, что в новой должности директора Научной библиотеки она будет работать с прежней эффективностью. Но незаменимых людей нет. Кто не пройдет медицинское обследование, до работы допущен не будет! Вплоть до увольнения! В новом укрупненном вузе должны трудиться эффективно здоровые люди!

Не знаю, что испытывал Большов, произнося эту речь, но мы с Верой однозначно почувствовали, что со времен первобытнообщинного строя человечество ни на шаг не придвинулось к реальной демократии.

Элементарные частицы живут по законам квантового микромира. А раз человек, как часть Всеобщего вещества, тоже состоит из них, поэтому о каждом из нас можно сказать, что мы в основании своем тоже есть явление квантовое.

— Вера Константиновна с сегодняшнего дня в отпуске, — тупо, безнадежно проговорил я. При этом у меня, как позже вспомнила Вера, от осознания собственной наглости слегка зарозовели мои далеко не юношеские щеки. Но этот их запоздалый румянец не имел ничего близкого с тем алым сиянием, которое в молодости, рожденным свежим, ухарским морозцем или счастливым восторгом, пусть и на пустом месте, вдруг блистательно окружает сверкающей аурой юное лицо. Мой румянец скорее напоминал синевато-красную сетку на щеках, похожую на последствия подкожного кровоизлияния.

— При чем тут ее отпуск? Это ничего не меняет. Распоряжение распространяется на всех работников поголовно ... — почти лениво уточнил Большов. — Или вы думаете иначе?

Он сдержанно усмехнулся. Возможно, при этом даже поправил свою особенную высокую прическу. Кажется, с крохотной косичкой на затылке, похожей то ли на головастика, то ли на кукиш.

Кстати, влет произнесенное им слово «поголовно» отозвалось во мне догадкой, что проректор, возможно, по образованию ветеринар. Может быть, даже очень хороший. Однако представить его на ферме среди коров (ферма и коровы — самые современные, по лучшим западным стандартам) мне так и не удалось. Да я особенно и не напрягался.

— Я очень не рекомендую вашей супруге искать варианты, как ей уклониться от профосмотра. Теперь она у меня на особом контроле! — сказал Большов таким голосом, словно он при этом мужественно улыбнулся. Что-то явно было в нем еще и от административного варианта рыцаря без страха и упрека.

В Библии в первой главе после каждого нового акта творения света, тверди, трав, рыб и так далее стоят слова: «И увидел Бог, что это хорошо». И только после сотворения человеческой пары этих слов насчет «хорошо» почему-то нет...

В трубке зависла дерзкая емкая тишина. Пытаясь понять, окончен ли наш разговор или нет, я минуту-другую как настоящий экспериментатор то прикладывал ее к уху, то встряхивал, на тот случай, если вдруг в ней отпаялся за множеством лет какой-никакой важный проводок.

Большов исчез так, словно его и не было вовсе.

Любая квантовая частица находится одновременно в разных точках пространства.

— Ты очень сердисься на меня, Витенька? — робко сказала Вера.

— Нисколько, — усиленно поморщился я. — Подумаешь, какой-то там отпуск двух простых граждан накрылся медным тазом. И вообще, забота о здоровье работника должна быть на первом месте у работодателя.

Вера неумело изобразила на лице интеллигентный протест, более похожий на приговление к тихому плачу.

— Почему мы должны идти у них на поводу?.. — судорожно вздохнула она. — Ты знаешь, когда у нас был последний профосмотр? Лет десять назад! Я тогда только защитила свою кандидатскую. Помнишь, «Лев Толстой и Владимир Короленко о смертной казни»? Почему сегодня началась такая административная лихорадка?

Что мне следовало ответить?

— Возможно, скоро в наш город прибудет Путин. А ваш укрупняющийся в духе времени вуз наверняка включен в программу его посещения. Вот и подчищают углы.

— Бросить все, уехать в Урюпинск! — Вера подняла глаза к потолку. — Или на дачу. Навсегда! Как-нибудь проживем на две пенсии. Огородик вскопаем. Много ли нам надо? Свобода того стоит.

Квантовые истины об окружающем нас мире способны кого угодно привести в замешательство.

Я сделал такое лицо, словно мне стало почти весело:

— Неужели бюрократический профосмотр «галочки ради» может стать поводом к тому, чтобы мы в один день сломали нашу замечательную привычную жизнь? С шашлыком пролетели? Так я все равно чаще всего превращаю его в уголь.

— А я на крыльях твоего оптимизма за день обегу всех врачей, и мы все равно смоемся в отпуск! И волки сыты, и овцы целы!

На уровне атома, ядра и элементарной частицы материя имеет двойственный аспект — она и частица, и волна. При этом в первом случае материя имеет более или менее определенное местоположение, а во втором — одновременно с состоянием покоя распространяется во все стороны мирового пространства.

Не откладывая, ровно в полдень мы выехали в направлении поликлиники на моей полувековой раритетной «копейке». Это была одна из самых лучших поликлиник города. Просто так с улицы туда не попасть. До развала СССР в ней лечились партийные чиновники, делавшие вид, что руководят строительством светлого коммунистического будущего. Сейчас в ней лечатся от тех же болезней во всем похожие на них чиновники, руководящие строительством не менее светлого капитализма.

У всех частиц есть античастицы. При контакте происходит их аннигиляция. Обе частицы исчезают, превращаясь в кванты излучения или другие частицы.

Я хорошо знал дорогу к этому образцовому лечебному заведению из двух дворцовой архитектуры корпусов, спрятавшихся в глубине пряно горьковатой, раскидистой Нагорной дубравы. Когда-то до перестройки я тоже состоял там на учете, никаким боком не принадлежа к клану партийной номенклатуры. Просто в обкоме КПСС считали писателей, к каковым я вроде как принадлежу, идеологическим подспорьем партии. Поэтому наше здоровье оберегали в иерархической спецклинике. Только во втором ее корпусе со своим отдельным входом. В городе для этих двух корпусов среди простого народа издавна прижилось название первого корпуса поликлиникой для «старших дворян», второго — для «младших». Это различие было явлено уже фасоном входных дверей: таким как я — стеклянные, номенклатурным — матерые, из мореного дуба, с эдаким генеральским, а то и выше бери шармом. Входишь, как в райские кущи. Какая-то вокруг светлость во всем и ко всякой твоей болезненной слабости уважительная благорасположенность, доходящая до восторга и самой настоящей нежности.

Так и Веру встретили. На входе бахилы голубенькие подали за бесплатно с такой уважительностью, словно едва сдерживались, чтобы их ей не надеть со счастливой торопливой любезностью. В регистратуре торжественно, точно некий поздравительный юбилейный адрес, вручили алую кожаную папку с «Картой здоровья», украшенную тесненными золотистыми вензелями. У меня от такой торжественности приема даже несколько как бы дыхание участилось. То есть, не совсем еще выветрилось значение горьковских слов насчет того, что «человек — это звучит гордо!» И даже несмотря на всякие там санкции против нашей страны, дело Скрипалей, трагедию в Кемерово и ночную ракетную атаку по суверенной Сирии.

Вере везде был «зеленый» свет. Она переходила по врачебным кабинетам без очереди. Но вовсе не напролом. Внушительная «Карта здоровья» в руках Веры срабатывала как жезл в руках сотрудника ГИБДД, открывающий водителям путь на сложном перекрестке. Кстати, от наплыва ее сослуживцев нас спасло то, что после объявления всеобщего профсомотра в университете так-таки началась легкая паника.

Проведя день в клинике мы, наконец, вышли к вечеру, слегка пошатываясь, под сень здешней Нагорной дубравы, радушно раскинувшей нам навстречу в качестве прикрытия от всех земных проблем и бед свои мощные ветви. Под их густым шатром в зеленоватом сыром сумраке млеет горячий сочный аромат.

Каждый кварк как истинная элементарная частица обладает своим цветом и ароматом. Скажем, «синий» кварк может испустить «синий-антизеленый» глюон и превратиться при этом в «зеленый» кварк. И даже есть обитатель микромира, который имеет нежное цветочное название, — пион.

В сумочке Веры — ворох рецептов: от кардиолога, донельзя взволнованного планетарными масштабами смертности от инфарктов, далее — от подслеповатого офтальмолога («глазника», если по-людски), до слез озабоченного тем, что Вере будто бы угрожает приближающаяся химера со страшным именем «катаракта», и, наконец, суровое направление от дерматолога, бдительного, как сотрудник бывшего КГБ, — на удаление онкоопасной родинки на спине. Для меня до сих пор сия, словно на миг при-

севшая под левой лопаткой Веры черно-красная «божья коровка» была милым телесным украшением. Я всегда мечтал, чтобы Вера обзавелась «на выход» платьем с глубоким вырезом на ее по-девичьи красивой спине. Реализацию мечты останавливал один убедительный аргумент. И вовсе не поголовная бедность российских литераторов. Даже действующих. Просто нам некуда было выходить в свет. Везде, куда наши отцы и матери старательно, с тщательным доглядом выбирали в пронафталиненных глубинах своих солидных гардеробов все самое лучшее, ныне втерся дерзкий стиль дырявых джинсов.

— Кажется, отделались?! — словно бы виновато улыбнулась Вера.

— Малой кровью... — поморщился я, все еще помня выражение ужаса на лице врача, когда та увидела в карточке Веры, что она до сих пор целых десять лет пропускала ежегодные осмотры.

Спускаясь по ступенькам в густоту аромата дубовых листьев, я и Вера, несмотря на повышенный градус приятной благосклонности к нам сотрудников клиники, все-таки напоминали людей, впервые принявших участие в марафонском забеге.

— У меня такое ощущение, что когда мы придем домой, окажется, будто никакой поликлиники сегодня не было... И никакого звонка от Большова... — сдержанно улыбнулась Вера. — Просто мы проснулись в полдень на нашей запущенной даче, разбуженные чьей-то неутомимой газонокосилкой...

Ощущение, что окружающая действительность существует лишь в тот момент, пока вы на нее смотрите, посещало даже великого Эйнштейна.

— Неплохо бы... — откашлялся я. — Но куда деть все эти твои рецепты, выписки и анализы?

— Выбросить! — почти радостно вскрикнула Вера. Кажется, она была готова исполнить это немедленно.

— И с легкой душой занырнуть в отпуск!

«Все-таки так замечательно, что она есть в моей жизни...» — машинально подумал я.

И мы поехали на дачу. Почти с отпускным настроением. В общем, нам реально хотелось пробудиться завтра как бы в ином, новом мире. И это вполне возможно, если открыть глаза в минуту аккуратного восхода Солнца под флейтовый высвист фосфорической иволги — «фитиу-лиу». И ощутить полные легкие того необычного воздуха, когда в двухстах метрах от вашего домика под высокой горой напряженно струится стремительный, молодежато неукротимый бодрый Дон. Седьмой час. Солнце неяркое, но жидко-блескучее, словно огонь в нем только закипает. С крыши на окна нависают густыми потеками кудри винной «изабеллы»: от этого в комнатах воздух зыбко-зелен, словно ты находишься на дне замшелого аквариума.

А ни с чем несравнимая радость выйти на деревянное, уже смолисто пахнущее разогретыми сосновыми досками деревянное пружинистое крыльцо? Да тотчас броситься, как в реку, в одичавший малинник, который словно только что как из ведра окатили густой, стылой росой, сладко пахнущей зелеными клопами-щитниками. И с мальчишеским азартом рвать ягоду зубами прямо с ветки, измазав свою счастливую физиономию веселым алым соком. А над тобой низко, царственно проплывет

на сплясшем фоне солнечного диска парочка экзотических удонов. Сбоку эти достаточно крупные птицы похожи на гигантских черно-белых бабочек с веерными хохолками и шпажками длинных клювов — прибыли покрасоваться в Черноземье напрямик из тропиков. Они вызывают у здешних дачников такое восторженное удивление, что удоды, кажется, испытывают некоторую неловкость и избегают долго сидеть на облюбованных ими проводах возле нашей дачи.

По законам квантового поля, самое главное в природе — акт наблюдения. Когда он происходит, мир из волновой запутанности, бурления смиренно превращается в мир материальных объектов.

По дороге на дачу мне вспомнилась моя поездка за вдохновением на Смоленщину в далеком тысяча девятьсот шестьдесят девятом. Я учился тогда на заочном факультете журналистики. И вот после летней сессии зазвал меня к себе на родину, в далекое смоленское село Мужижское Духовщинского района, мой однокурсник Славка Терехов, тамошний фельдшер. От Смоленска, куда мы прибыли поездом, до его вотчины почти сорок километров. Был выходной, автобусы к ним не ездили. Зато я по дороге познакомился с грозой, какой по ярости потом во всю жизнь не видывал. Молнии били со всех сторон сразу. Как исполняли в нашу честь некий ритуальный огненный танец. Будто от перенапряжения, все небо покрылось густой сеткой их набухших сине-розовых вен, в которых судорожно пульсировала дикая электрическая кровь.

И вот мое первое утро на Смоленщине в медпункте, временно превращенном для меня в гостиницу. Так же июль, только с дождем. Холодно и скучно. Я протопил печку. Все здешние мухи тотчас облепили ее. Сидят на ней полусонные, разомлевшие. А за окном поросенок удивленно повизгивает. Потом мне объяснили, что он — местная достопримечательность. Поросенок, как собачка, везде бегаёт за хозяйкой Тamarкой, которая состоит медсестрой при медпункте: и к больным, и на почту, и в клуб, даже в сельсовет — везде он при ней. А где не пускают, все равно прорвется. Как-то я за ними в магазин зашел. И так чудно: взяла Тamarка за неимением ничего другого на прилавках карамельки усохшей, сыра «Российского», съезжившегося и мутными слезьми плачущего. Вышло ей при расчете сдачи две копейки. Продавщица хотела на них спичек дать, но медсестра отмахнулась: «Гони монетки... Я их «на кукушку» возьму!» То есть когда в кармане деньги есть, хоть самые малые, а тут раздастся метроном этой ответственной за долготу нашей жизни птицы, так они с той поры будут у вас на глазах скоро прирастать.

Вот такие вот легенды смоленской деревеньки Мужижское... Кому-то смешно? Мне не очень.

Сегодня дача встретила нас с Верой негостеприимно: председатель кооператива распорядился отключить электричество в ожидании грозы с сильными ветром. Об этом на все мобильники на всякий случай уже предупредительно отписалось МЧС.

Итак, ждать, когда минует гроза, или вернуться домой? По-любому, я решил воспользоваться случаем, пока мы еще здесь, и купить у соседа, обустроившего на здешних заливных лугах настоящую ферму, козьего молока. Кстати, у его собаки была странная кличка Симка. Скоро у нее будут щенки. Не удивлюсь, если их назовут типа Айфон, Скайп или Андроид.

— Будем жить при свечах! — торжественно объявила Вера, когда я вернулся с трехлитровой банкой парного молока. Это было настоящее живое произведение. В отличие от магазинного, в нем присутствовала загадочная молочная плоть. У меня еще стояли перед глазами таинственные поперечные прямоугольные зрачки козы, словно это был взгляд пришельца из иных Вселенских миров: днем они узкие, как щель, а с темнотой превращаются в широкие прямоугольники, позволяющие видеть ими все вокруг себя на триста сорок градусов. У испуганной козы зрачки становятся реально квадратными.

И снова раздался телефонный звонок. У меня на мгновение возникло ощущение, что мы участники какой-то странной компьютерной игры, в которой некто дистанционно управляет нами. Осовремененный вариант шекспировского озарения насчет того, что жизнь есть театр, а люди в ней — актеры.

Мир, в котором мы живем, не иллюзорен, но не он является главным. В структуре реальности основное и все определяющее происходит на невидимом квантовом уровне.

Звонок был из клиники для «младших и старших дворян». Вера на всякий случай включила на своем смартфоне «громкую связь». Некто заговорил с ней быстро, раздраженно строго. Вера слушала этого человека с таким лицом, какое разве что бывает у космонавта на центрифуге, когда оно размазанно деформируется под безжалостным напором невыносимой перегрузки, способной ломать кости и рвать мышцы.

Я стоял у окна, стараясь не прислушиваться к словесному грому, обрушившемуся из смартфона на Веру. Более-менее понятным из ревущего потока медицинских выражений было «атипичные клетки».

В дачном просторном небе разворачивался обещанный МЧС грозовой фронт: очень высокий, трехслойный и самых неприятных оттенков грязно-черного, лилово-бурого и еще какого-то настолько сложного, которому как бы и нет названия. Одним словом, шло торжественное приготовление к Апокалипсису.

Вдруг я почувствовал, что стою в комнате один.

Я нашел Веру в саду у «нашей» березы — волшебное дерево о два ствола, иначе говоря, двойчатка. Во времена былые наши прадеды и прабабушки числили за ними известную силу от нечисти: при опаживании пользовались ралом, изготовленным из раздвоенного дерева, двуствольной палкой погоняли волов-близнецов; через раздвоенный ствол дерева трижды протаскивали больного и так далее, включая рогатину на медведя и даже мальчишескую рогатку.

Мы называли эту березу «лирой». От ее пегой масти, серебристо-черной коры словно исходила некая светомузыка.

— Цитология показала у меня наличие атипичных клеток, — тихо сказала Вера чужими словами и чуть ли не с брезгливым презрением к себе.

Принцип неопределенности Гейзенберга: одновременно установить и положение и скорость квантового объекта невозможно. Чем точнее мы измеряем одно, тем менее точно можно установить другое.

— У меня подозревают онкологию.

— Стоп, машина. Раковые клетки есть у каждого... По несколько миллионов.

— Это из другой оперы, Витя. Они требуют, чтобы я повторно сдала анализ на этих моих атипичных перерожденцев. Уже в понедельник я должна лечь в стационар. Возможно, на неделю. Вот такой будет у нас с тобой отпуск. Лазаретный. И вообще, судя по всему, ты скоро похоронишь меня.

Вера слабо улыbnулась.

Когда человек собирается лечь в больницу, пусть даже для сдачи анализов, его окружающие невольно испытывают стыд за свое крепкое здоровье и стараются найти в нем хоть какие-то изъяны, о чем начинают не раз и достаточно громко сообщать.

Я не из особого теста.

— Что-то голова болит... — несколько раз объявил я Вере, пока она уныло укладывала сумки.

На самом деле меня тупило, как я один проведу эти несколько дней. Такое состояние вызывается эффектом «духовной диффузии». Достаточно долгая совместная жизнь в итоге приводит к тому, что муж и жена, как бы прорастая друг в друга на психологическом уровне, уже не могут сбалансированно существовать каждый сам по себе. Они между собой даже бытовыми привычками обмениваются. Скажем, я раньше очень настороженно относился к бродячим собакам, а Вера могла запросто подойти к грязному, грозному, голодному вожаку суетливой свадебной стаи и погладить его по нервно напряженной холке. Сейчас же это у нас с точностью до наоборот. Так что предстоящее мне житие наедине с самим собой заранее казалось настоящим испытанием того, насколько я себе интересен. Отрицательный ответ был ясен заранее.

Наиболее важное свойство всех элементарных частиц — способность к взаимным превращениям, у каждой из них существует «двойник» — античастица, которая отличается от частицы только знаком.

Людмила Петровна, заведующая отделением, куда положили Веру после сдачи пятнадцати основных и десяти дополнительных анализов, сначала перепоручила извлечь из Веры энное количество живой ткани на анализ своим подмастерьям. Но когда она случайно узнала, что Вера работает директором университетской Научной библиотеки, пусть и врью, а я вроде как писатель местного разлива, ситуация переменялась. Людмила Петровна была еще та книжница, десятилетия собиравшая все прижизненные издания поэта Эдуарда Асадова. Так нас объединила сокровенная, таинственная, чуть ли не порочная в эпоху андроидов и гаджетов любовь к книге.

В общем, найти для Людмилы Петровны редкое издание Асадова мне труда не составило: у нас дома был переизбыток книжной продукции чуть ли не за все последнее столетие, которая не помещалась в шкафах и на полках, поэтому хранилась даже в комоды и ящиках для обуви. Иногда редчайшую книгу можно было случайно обнаружить в вышедшей из строя микроволновке, искореженной пароварке, — одним словом, где угодно.

В итоге Людмила Петровна вошла в операционную, когда Вера уже

была под наркозом, и, воодушевленно отстранив коллег, блестяще провела прицельную биопсию. Не зря в больнице у нее было ласковое прозвище «Чистюля». Вполне в духе поэзии Эдуарда Асадова.

Электрон не движется по орбитали возле ядра, как планеты по орбите вокруг Солнца, он находится сразу и везде. Даже там, где будет через миллиарды миллиардов лет, он как бы есть уже сейчас.

Когда изъятые щипцами атипичные клетки Веры вместе с небольшими кусочками ткани отправили на анализ к патологоанатомам, положенную в таких случаях надпись на пакете «Онконастороженность» почему-то поставили забыли.

Я на пределе вежливости попросил Людмилу Петровну позвонить патологоанатомам, чтобы ускорить их священнодействие.

Она печально развела руками:

— Даже если вы найдете мне первую публикацию Асадова в «Огоньке» за тысяча девятьсот сорок восьмой год, я не смогу переломить нашу Систему! Там, в подвале, у наших патологоанатомов телефоны не работают!

— Я не поленюсь сходить!!!

— Даже если я дам вам нить Ариадны, вы их не найдете... Там такие путаные коридоры, света практически нет. А крысы за шиворот прыгают!

Патологоанатомы... Как много в этом слове всякого разного... Посмертный врач. Врач, который никогда не режет по живому. На золотой латыни — Prosector, то есть врач-рассекатель, производящий вскрытие с целью точного установления последнего диагноза.

— Не падайте духом... — вздохнула заведующая, потаенно искрясь старомодной библиофильской любовью к поэзии.

— Я не поручик Голицын... — таков был мой почти истеричный ответ.

Вернувшись домой, Вера не вылезала из интернета. В конце концов, мы с ней поняли, что внутри человеческого организма тоже имеют место свои цветные и черно-белые революции, теракты, войны за жизненное пространство и за богатство клеточных недр.

Итак, на одном конце города, в гулком отсыревшем больничном подвале со сталактитами призрачной паутины и ядовито-зелеными островами на стенах бархатистого мха патологоанатомы под шипение крыс, беснующихся среди трупных запахов, который день утомленно прикидывали, на какой стадии находятся протестные выступления атипичных клеток Веры; на другом конце города она напряженно, почти отчаянно искала в безумных просторах интернета ответа на тот же вопрос.

Темная материя заполняет собой нашу галактику, и все объекты в ней, включая Землю, как бы «продираются» сквозь ее встречный поток. Из-за того, что частицы темной материи очень плохо взаимодействуют с обычным веществом, мы этот поток не замечаем.

Время от времени у Веры случались слезные приступы, от которых у меня сводило судорогой губы.

— А что как нам завалиться к кому-нибудь в гости?.. — осторожно задал я Вере самый дурацкий вопрос, какой только можно было сейчас

придумать. И завершил его уже вовсе законченным форменным бредом: — Сегодня Всемирный день китов и дельфинов.

— Я понимаю, тебе тяжело со мной... — отозвалась она, опустив глаза.

— Давай к Ильиным?..

— Мы недавно были у них.

— Тогда Волковы.

— Не поймут. Мы уже пригласили их к себе. На День крещения Руси.

Кстати, он уже послезавтра.

— Остаются Лыковы.

— Замечательно. Я их люблю. Прекрасная пара. Слово современные

Петр и Феврония Муромские. Только они, в отличие от нас, уехали в отпуск. В Павловск. К родителям. Я вчера говорила с Катей и Димой. Они в это время укладывали вещи. Еще и советовались со мной, что им лучше взять, чтобы не пролететь с погодой.

— А как вдруг передумали? Жизнь штука многовариантная!.. — объявил я с той фальшивой бодростью, с какой обычно произносятся именно прописные истины.

Все-таки, когда звонишь с нашего телефона, это нечто. Нынешние гаджеты такого ощущения не дают. С них разговор происходит совсем в иной тональности, скорее похожей на некую детскую забавную игру, нежели на достойное общение. Но именно его ты получаешь, снимая со стальных хромированных рычагов увесистую, вороной масти трубку магистного номенклатурного телефона. Не ловите меня на политических пристрастиях, но не могу не напомнить, что старые большевики рассказывали о каком-то даже мистическом отношении Сталина к телефону. Он словно был его верным и незаменимым помощником. То-то Иосиф Виссарионович всегда в начале разговора говорил в трубку своим глуховатым, сдержанным голосом великую фразу: «У аппарата». И никак иначе, прислужники смартфонов и айфонов!..

Я никогда не рисковал повторять за Иосифом Виссарионовичем такую историческую фразу, но, тем не менее, властное обаяние нашего реликтового телефонного аппарата целиком владело мной. И наделяло меня какой-то особой магической силой.

По крайней мере, на том конце провода трубку действительно взяли.

Я напрягся, испытывая легкий ужас.

— Алло... Алло? Катя? Это звонит Виктор. Дмитрий, ты?

Трубку на противоположной стороне не положили, но безмолвствовали. Притом, этот некто, молчащий, тем не менее, издавал какие-то особенные невнятные звуки.

Пауза затянулась.

— Ребята, отзовитесь... — как можно аккуратней проговорил я.

Ничто и никто.

— Здравствуй... — вдруг как из глубин вечного безмолвия возник странный мужской голос, каким наш друг Дима никогда не разговаривал. Ни в каком состоянии. Отдаленно похожий, но не его вовсе.

Тем не менее, трубка продолжала уверять меня, что это он, Лыков, собственной персоной.

— Здравствуй, Витя... Катя первая взяла трубку, но говорить с тобой так и не смогла... Теперь я попробую.

— Приболела, чай?.. — осторожно вздохнул я.

— Леня умер. Наш Леня. Завтра похороны, — отчетливым, пугающе чужим голосом проговорил Дима.

...Тридцатилетний молодой человек, учитель русского языка и литературы, отложив томик Тютчева, вышел из подъезда подышать медовым ароматом впервые давших цвет его ровесниц тридцатилетних дворовых лип. Июнь — Липень, дерево-мать. Липа накормит, обует и вылечит. Леонид благоговейно вдохнул мерцающий дискретный запах, улыбнулся и упал замертво.

Одни умирают от сердечной недостаточности, другие — от сердечной избыточности...

Электрон одновременно движется к пункту назначения и к пункту отправления.

Я запнулся, прежде чем сказать: «Примите наши с Верой соболезнования». Я болезненно запнулся. Как будто судорога свела мне рот. Какие, нафиг, могут быть соболезнования, когда не стало их сына?.. Тут волком выть, но не принято. Да и не умел я. Слаб в коленках.

Вера почувствовала по мне, что в мире каким-то несчастьем стало больше. Она подступила поближе, наконец, просто прижалась, напряженно вслушиваясь в редкие звуки из трубки, словно бы никак не желающие складываться в членораздельные слова. Не знаю, как они, звуки, вообще из нее выходили на свет Божий. Ведь я стиснул пальцами трубку с такой силой, какой давно за собой не знал. Я словно пытался стиснуть горло ни в чем не повинному телефону.

— Прости... — сперто проговорил я и провел по лицу ладонью, отирая таким подручным способом внезапную точечную испарину.

— За что?..

— Прости...

При столкновении квантовые частицы, уничтожаясь, способны превращаться в другую: например, при соударении протона и нейтрона рождается пи-мезон.

Похороны Леонида были назначены в полдень, от его дома. Но прежде нам предстояло быть на отпевании в храме Пресвятой Богородицы Всецарицы. Я сдавленно предложил Вере остаться дома. Мне казалось, что с храмовым погребальным ритуалом никак не совмещается ее нынешнее напряженное ожидание результата от эзотерически колдовавших над кусочком ее тела в крысином сыром подвале патологоанатомов, подогретых их особым покойничьим юмором и медицинским спиртом, похожим на растаявший горный хрусталь.

— Ты что?.. — охнула Вера. — Я Ленечку на вот этих руках столько раз нянчила...

...Когда гроб с Леонидом забирали из морга, я не мог не заметить, что тут, как нигде, всюду густыми парковыми рядами празднично сияют тягело-красные розы, словно в пику здешней вездесущей смертной ауре. А еще, пока мы оформляли необходимые документы в иной мир, я обратил внимание, что в этом здании на всех офисных дверях такие же ручки, как и на здешних гробах. Очень хорошие литые ручки, удобные и надежные...

По дороге к храму у моей «копейки» вдруг спустило колесо, а запаски у меня никогда не было. Я был готов нести машину на себе вместе с Верой.

Тем не менее, мы бросили наш старенький «жигуль», даже забыв закрыть двери, и помчались дальше на такси.

Я похоронил столько близких и не очень людей, что не мог не обратить внимание на одну особенность — смерть всегда как бы ставит на лицах ушедших от нас печать качества прожитой ими жизни. Словно некое ОТК. Та самая служба на предприятии, которая осуществляет контроль качества выпускаемой продукции: брак, третий сорт, второй, первый, высший, наивысший...

В большом смертельно-торжественном гробу лежал красивый молодой человек с таким выражением лица, словно его срочно отозвали из командировки на Землю для участия в решении какого-то Вселенского вопроса.

Когда мы вшестером несли гроб с Леонидом по кладбищенской глухой тропинке, на каждом шагу попадались в тесноте под ноги ржавые венки, куски мраморных плит и вездесущие пластиковые бутылки. Чтобы не упасть, нам приходилось изворачиваться, словно Лаокоону с его сыновьями от напавшей змеи. Гроб нырял, как опустевшая лодка на штормовых волнах.

Эпитафии на кладбищенских могильных камнях читаются как эпиграфы к прожитой жизни.

Я на какое-то время потерял Веру из виду.

И заметил ее вновь, когда уже были совершены все те мистические кладбищенские ритуалы вроде обязательного извлечения из гроба живых цветов, сохранения бечевки, которой связывали ноги покойного, а также брошена каждым своя горсть земли: крышка гроба всякий раз отывалась ей глухим, унылым буханьем.

«Со святыми упокой, Христе Боже, душу раба Твоего...»

Отойдя в сторону от всех нас, Вера говорила с кем-то по смартфону. Углубленно, отстраненно говорила. Словно находилась в другой, параллельной Вселенной. В ином измерении. Но при этом она плакала вполне по-земному. Только что страдающая легкой формой библиофилии заведующая отделением сообщила ей, что уставшие до чертиков патологоанатомы, наконец, разобрались в ее атипичных клетках: они нагло и бесповоротно переродились в онкологическую опухоль, похожую на некоего зеленого головастика, и начали свое крайнее дело, внушая бдительному иммунитету, что они свои и самые из своих невинные. И тот тупо верил им, непонятно чем и как обманутый. А еще и заботливо, нежно помогает им размножаться. В общем, в наших глубинах немало такого разного всякого, что портит нам жизнь снаружи...

— Почему это случилось со мной?.. — со стоном хрипло вскрикнула Вера. — Почему именно со мной?.. Разве я мало настрадалась в этой жизни?..

Я почувствовал себя словно бы точкой сингулярности. Но не той единицей пространства-времени, в которой заключалась когда-то перед Большим взрывом вся материя, наполняющая сегодня нашу Вселенную, а в которой собрана вся боль, в ней накопившаяся за пятнадцать миллиардов лет явности.

И еще я почувствовал себя подлецом. Я не уберег Веру...

Мы отчаянно обнялись с ней, как схлестнувшись руками. Никто не

обратил на нас особое внимания. Никто не придал этому значения. Плакать, обнявшись, на кладбище, — нормальное явление.

Я что-то горячо шептал Вере. Скорее всего, какой-то сумбур во имя фальшивого успокоения. По крайней мере, сейчас я из тех слов ничего не помню. И это даже хорошо. Иначе бы мне было больно и стыдно вдвойне. Что они могли значить перед тем, что она чувствовала теперь? Что вообще можно сказать утешительного в таком крайнем случае?..

Как ни странно, мои слова, которые я даже не запомнил, помогли Вере.

Электрон, который вращается вокруг ядра атома, на самом деле не вращается, а находится одновременно во всех точках сферы вокруг ядра атома. Наподобие намотанного неплотно клубка пушистой шерсти. Это понятие в физике называется «электронным облаком».

Вера судорожно вздохнула и, медленно отстранившись от меня, затяжно оглянулась на могилу Леонида, вокруг которой уже тесно сгрудились ядовито-зеленые мохнатые венки с лакированными золочеными лентами. Как символом особой траурной кладбищенской роскоши...

Символом пережитых Верой жизненных бед для меня всегда был из далеких ельциновских девяностых годов прошлого века образ дырявого ржавого ведра с тяжелыми глудками траурно-черного антрацита. Она не раз рассказывала мне свою историю про это ведро. То самое, которое Вера, заведующая читальным залом районной библиотеки, зимой тайком от сторожа насыпала углем на задворках сахарного завода и за два километра тащила домой, провальню увязая в промороженной снежной плоти. Однажды сторож так-таки прихватил ее за покражей, и Вера, став перед ним на колени, заплакала. Она так заплакала, что сторож поспешно ушел, кляня себе под нос все на свете. А как иначе можно было ей хотя бы раз в три дня протопить печку в съемной щелястой времянке и хоть что-то приготовить поесть своим мальцам, когда зарплату не платили почти год? Потому что все деньги в стране ушли на создание своих собственных олигархов.

Со дня сегодняшнего для меня символом жизненных испытаний Веры стало это старое городское кладбище со странным географическим названием: Юго-Западное. Точно оно указывало направление душам, в каком месте им следует искать их некогда погребенные бранные тела.

Самое оно на кладбище у свежей могилы, прело пахнувшей подвальной сырой землей, вдруг узнать, что в глубинах твоего тела обнаружена быстрорастущая раковая опухоль, похожая на сине-зеленого головастика с нитяным длинным хвостом.

Разница между живой и неживой материей исчезает на атомном уровне.

Поминали Леню в столовой Вериного университета: кстати, она договорилась насчет этого через того самого проректора Большова. Тут, в самом деле, прилично готовили и по вполне приемлемым ценам.

Дима и Катя служили в театре «Юного зрителя» и, кстати, в их самом кассовом спектакле «Золушка» в свои пятьдесят «на бис» играли: он — принца, а она — ту самую затырканную мачехой девчужечку, обласканную феей.

Если так можно сказать, это были самые интеллигентные поминки, какие я только видел: за столом сидели наши местные артисты, художники, композиторы и даже пара все время о чем-то жаростно шептавшихся одичало кудлатых поэтов, кажется, романтических постмодернистов. С их стороны то и дело по поводу и без повода слышалось хриплым, истеричным шепотом словно бы заклинание: «Бродский... Бродский... Бродский...»

Поминки начали с молитвы. Ее сотворил дьяк Алексей, только что приехавший со службы из храма на стареньком стопятидесятикубовом китайском скутере, годящемся разве что на запачки. Даже за столом косички Алексея торчали над сутуловатой худощавой спиной так, словно их все еще развевал напор встречного воздуха.

После молитвы один из поэтов-постмодернистов встал, высоко поднял переполненный стакан с водкой и печально объявил:

— Бога нет, господа... Иначе бы он не отнял у нас Леньку!..

И заплакал.

Второй поэт мистически стиснул кулаки у своего лица и тихо, нежно сказал:

— Космос взял нашего друга... Он сейчас в подбрюшине Вселенной... Не будем отчаиваться. Возьмемся за руки! Все до одного! И замкнем духовную цепь Высшей Энергии!

Я повернулся к Диме. Он никак не отреагировал на постмодернистское колдовство. Как будто его здесь и не было. Дима сидел как человек, превратившийся в точку. Даже Катя выглядела лучше, несмотря на свою синюшную бледность. Тем не менее, за весь день я не увидел слез на ее лице. Ее глаза непрерывно плакали внутрь. Капля за каплей. Она уже вся была переполнена едкими ледяными слезами.

— Давайте завтра все вместе поедem в Костомаровскую обитель... — аккуратно сказал я Диме. — На Голгофу поднимемcя, в пещеру Покаяния зайдem... Что-то надо делать, иначе вы сами с собой сгорите в этой боли... Вы там были хоть раз?

Молчание Димы и Кати ответило само за себя.

Число атомов в человеке многократно превышает число звезд видимой Вселенной.

Мы выехали в Костомарово мгlistым зыбким утром. Густое, сырое небо провисло почти до самой земли, как брюхо только что оценившейся суки. Тем не менее, моя городская «копейка» пижонистого ярко-желтого цвета словно радовалась дороге через степные раскидистые просторы, как неожиданно оказавшийся на воле-вольной ипподромный скаковой конь.

Ехали молча. Это было особое молчание длиной в двести километров пути. Так молчат люди, находясь в бессознательном состоянии. Можно сказать, что все мы четверо пребывали в коме, сохраняя лишь внешнюю видимость некоего движения.

Костомаровское пещерное святилище было устроено благодатными трудами монахов в меловой горе задолго до крещения Руси по святому повелению апостола Андрея Первозванного. И в местах, любовно названных им по их схожести с его родными краями Новым Иерусалимом. То есть со своей Голгофой, горой Фаворской, садом Гефсиманским...

Когда уже подъезжали, я, наконец, аккуратно, пробно заговорил. Со стороны можно было подумать, что я говорю сам с собой.

Я посчитал необходимым рассказать о пещерных костомаровских чудесах и тамошней главной святыне — иконе Божией Матери в человеческий рост, написанной на металле. Так вот, на этой иконе шесть следов от пуль — дырки с оплавленной краской. В двадцатые годы стреляли комиссары-безбожники. В лики целились, да не попали. Будто некая сила руку им отвела. Еще там есть образ Святого семейства за трудами — отрок Иисус и святой Иосиф плотничают, а Божия Мать прядет овечью шерсть. И будто бы многие, молившиеся перед этой иконой, обретали просимое. Случилось даже, что не так давно родители нашли здесь сына, пропавшего в чеченском плену лет пятнадцать назад и потерявшего память от пыток. Вообще, в Костомаровской обители чудесные явления едва ли не обычное дело: то вдруг стопы Спасителя на иконе засветятся вполночи, то луч с чистого неба ярко станет в сумерках на пути Крестного хода или Нечто блистательно засияет ночью из-за храмовой горы. После разгрома монастыря в шестидесятые, хрущевские, годы исчезла здешняя знаменитая плащаница Божией Матери, от ниши, где она лежала, и теперь чувствуется неповторимое благоухание. А в безлюдных пещерках-затворах иногда слышится загадочное пение. А как-то здешних строителей напугало видение белобородого старца. Всем своим видом тот напоминал святого «дедушку» Серафима Саровского...

Наконец, привычный степной пейзаж с бескрайними полями и черно-зелеными куртинами преобразился: слева от нас вздыбились под облака высокие, лобастые холмы с морщинистыми белыми извилистыми прожилками, похожими на следы будто бы еще не растаявшего в этих меловых горах снега. На вершинах коричневыми пятнами лежала скудная растительность, и даже видны были какие-то деревья, издали, в самом деле, похожие на пальмы. Еще бы верблюдов сюда — и Палестина один в один. Видна и Голгофа со строгим, простеньким крестом, а поодаль — опечаленная часовенка.

Строгий, неземной пейзаж. Главное — ощущение небывалого простора и неземной тишины. В Костомарово даже жуки какие-то особенные попадают — с белыми крестами на спинках. Так-то!

После короткого отдыха у подножия холмов мы с молитвой упорно поднялись на здешнюю Голгофу. Далеко-далеко внизу слышались блеяние отары овец, зуммерящий звук ручной пилы. Мы словно шли навстречу вечности... Кажется, время здесь словно какое-то распахнутое, в любом случае, иное. Точно вспять течет...

Время жизни изотопа теллура-128 равно 2 10²⁴ лет. Такое время жизни на четырнадцать порядков превышает возраст Вселенной! Ничего более долгоживущего в нашей системе координат попросту нет.

Когда идешь со свечечкой коридорами, прорубленными в меловой белоснежной горе, иконы, выступая из мрака, как оживают и аккуратно вышагивают к тебе навстречу с благословением. Вырезанные из мела иконы Серафимовского храма были словно озарены Фаворским светом... Строго встречают тебя аскетичные кельи, местами поросшие зеленоватым мхом. В пещеру Покаяния ведет тесный, низкий ход, так что там человеку мирскому может даже плохо стать. Многим в ней делается не по себе. Это уже не раз испытано. Как-то вдруг особенно остро, больно чувствуешь тут сожаление обо всех тобой совершенных грехах, видишь их горестную постыдность...

И Он там во время вашей исповеди, совсем рядом, и вы, не видя Его глазами, но лишь душой, остро чувствуете, как Он внимательно и с любовью вслушивается во все, что вы говорите.

И грехи мои как изошли из меня. Это было физически ясное ощущение. Ощущение взрывчатого облегчения души. Я вдруг заметил, что дыхание у меня — учащенное, а сердце в груди взволнованно частит. По лицам Веры, Димы и Кати я понял, что и они чувствуют то же самое.

Новое невероятное удивление ждало меня, когда я вышел из пещеры Покаяния на яркий, густой июльский свет, когда с горней высоты увидел окрест здешние монастырские места. Словно я вообще впервые увидел этот мир... Или он был только что сотворен? Так, наверное, видит мир наступавшийся болезнью человек, когда наступает долгожданное выздоровление.

Основу нашего реального мира составляет квантовая нереальность.

На обратной дороге машина шла заметно натужней: багажник был у нас затарен баклажками со святой водой, бутылками с целебным маслом, освященным от мощей Матроны Московской, и памятными кусками здешнего мела. Ко всему я сбился с пути, и мы отклонились в сторону от маршрута километров на семьдесят. Спихватились, заметив, что вокруг совсем неизвестные и какие-то непонятные места. Словно нас занесло в некую параллельную Вселенную. Еще я забыл включить фары, и меня на сельском перекрестке тормознул вольно скучавший на июльской душистой травке молодой лейтенантик ГИБДД: с легким пушком будущих бакенбардов, простуженно, по-ребячьи дергавший носом. Он вальяжно, нарочито долго выписывал мне штраф на двести рублей. И при этом с большой охотой вовлек меня в затяжной разговор про некоего миллиардера Илона Маска, в порыве детскости запустившего недавно в Космос в сторону Марса грузовую капсулу с лаково-вишневым суперавтомобилем Tesla Roadster. Чтобы дорога не казалась скучной манекену водителя, в кабине автомобиля по пути на Марс будет вдохновенно звучать космическое «Space Oddity» Дэвида Боуи. Такого эпатажного груза наша галактика Млечный путь, да и все прочие в их множественной миллиардности, явно никогда не видели. На фоне роскошного авто даже летающие тарелки теперь станут восприниматься как вышедшие из моды артефакты.

— Ну, чудак, ну, дает! — весело щурился лейтенант, пацански обкусывая ногти.

В этом летящем на Марс шикарном «авто» для него явно был упрямый какой-то великий вопрос, сугубо связанный со смыслом рождения Великой Вселенной — бесконечного месива звезд и камней мертвых планет.

Альберт Эйнштейн противился одной только мысли о том, что в основе сущности природы лежит случайность.

— Не нарушайте, гражданин... — уныло напутствовал меня лейтенант, философски озабоченный автомобилем во Вселенной. — Откровенно говоря, я тоже часто забываю включать днем фары. Как-то в голове это не укладывается. Днем с огнем?..

Одним словом, все эти наши дорожные события как бы исподволь намекали нам, что мы возвращались из Костомаровской обители уже не-

сколькими иными людьми, и весь мир вокруг нас тоже словно бы чуточку изменился. И привыкать к нему будет нелегко.

Когда мы с Верой въезжали во двор, я заметил на трех мятых, переполненных мусорных баках свежую надпись грязно-белой краской: «Илья + Эльвира = любовь». К ним кто-то возложил букет некогда-то белых роз. Может быть, сам Илья? Такое на нашей планете может вытворять лишь первая любовь.

Онкологический диспансер для большинства жителей нашего города-миллионника не более как некая локальная война вдали от родины. Где-то там будто бы постреливают...

В нашу с Верой жизнь он вторгся как дерзкий, высокомерный хозяин, требующий от своих квартиросъемщиков тотчас освободить его квартиру по неведомой для них причине. По крайней мере, нигде в городских поликлиниках, где мне пришлось бывать, в регистратуре не говорят так заносчиво с посетителями, как тут: подсознательно сказывается, что здешние больные одной ногой уже на том свете. То есть как бы это уже отработанный, бросовый материал.

Неделя за неделей мы ходили в диспансер каждый день. Казалось, анализам, которые сдавала Вера, не будет конца. Мы с ней словно бы опускались в ад на неисправном, подвигавшемся рывками, лифте.

Уже просто пройти мимо онкологического диспансера — это экзамен на прочность психики. Который способен вывять у внешне здорового человека скрытые ранее неврозы. В любом случае, ваше настроение возле этого особого здания резко переменится далеко не в лучшую сторону. И не стоит в этот момент пытаться напустить на себя нарочитое равнодушие или глубинную философичность восприятия жизни. Может даже случиться, что человек, впервые увидев здешнюю вывеску с гиппократовским термином «онкология», внезапно ощутит удушье, споткнется или едва не попадет под машину.

Я никогда не видел собравшихся вместе в таком количестве людей, должных вскоре мучительно умереть. Но несмотря ни на что они при этом еще могли и улыбнуться вам, и подбодрить новичка, и успокоить своих отчаявшихся родственников. Не им ли было не знать, что смерть есть такое же естественное состояние организма, как влюбленность, вдохновение или чувство сытости, наконец?..

Мы с Верой поднялись на третий этаж, робко уступая дорогу идущим навстречу больным. Если между них оказывались здоровые люди, то они, как бросилось мне в глаза, изо всех сил старались выделить себя из этой бесконечной толпы обреченных и каким-нибудь образом, но подчеркнуть свое исключительное здоровье: кто-то излишней прыгучестью по ступенькам, вертлявостью, кто-то неуклюжей улыбчивостью или нелепым напеванием модного мотивчика. Я, мол, еще вполне молодец и к здешней когорте смерти никакого отношения не имею. Я тут вовсе по моральным причинам из сострадательного сопровождения умирающего или в здешнюю аптеку, в здешний буфет решил заскочить: а что как цены тут дешевле? Должно же быть какое-то послабление человеку накануне перехода в Вечность? Только накася выкуси...

Бывает, случаются тут иногда и такие люди, которых переполненные завтрашними покойниками коридоры вдохновляют чуть ли не на миссионерское проповедничество. Вот доставил такой взволнованный, взмокший человек своего полумертвого родственника к дверям приемного отделения, огляделся, заценил общую картину, сострадательно проник-

ся ею и, возгоревшись душой, тотчас пылко приступил прямо-таки командирски внушать здешним ожидателям смерти: «Верить надо в лучшее! Да здравствует Оптимизм! Вдохновляйтесь радостью! Не сдаваться! Резервы человека безграничны! Я читал в интернете, что через три года во всех аптеках появятся дешевые лекарства ото всех видов рака! Его создали на космической станции и уже успешно испытывают на людях!»

И всегда тут на такого взгоряченного позитивиста найдется суровый тормоз. Скажем, пусть это будет с виду еще вполне крепкий мужик с раскоряченными ногами-пнями и будто из чугуна отлитыми кулаками. Когда у него месяц назад продиагностировали рак желудка четвертой степени и определили ему жить не более полугода, он сгоряча не нашел ничего лучшего, чтобы доказать свое могучее здоровье, которому сноса быть никак не может, как бесшабашно поднять доктора над собой на обеих руках и пританцовывать с ним вприсядку, еще и ядрено подпевая: «Ехал грека через реку, видит грека в реке — рак! Сунул грека руку в реку, рак за руку греку — цап!»

И вот такой над всем суетным, обыденным, пустозвонным поднявшийся вдруг через близкую глубинную смерть человек оглядит как рентгеном самодеятельного пророка оптимизма и холодно-здраво скажет: «Лекарство от рака кто-то нашел? Через три года всех нас вылечат? Да кто же такое допустит? Завтра же такого твоего открывателя закроют. В лучшем случае в асфальт закатают. Иначе он всех лекарственных олигархов и их прикормышей по миру пустит. Потом же и государству невыгодно нас спасать! Лишние пенсионеры ему не в радость. Так что всем по уму и по разумению желательно, чтобы старики как можно скорее помирали! Она ведь «скорая» к ним по негласной инструкции в последнюю очередь едет и вовсе без мигалки с сиреной».

Господи, благодарю Тебя за все, что со мною будет, ибо твердо верю, что любящим Тебя все содействует ко благу.

Осторожно, с оглядкой, чтобы никого не потревожить и не нарушить еще неведомых нам правил этого заведения, мы с Верой аккуратно стали у стены кабинета с сурово краткой табличкой «ВЛК» — вот так крайне внушительно и тревожно.

Мест не было. Стояли, притулившись, по стенам, не мы одни.

— ВЛК?... Врачебно-летная комиссия? Так нам тогда не сюда, Верунь... — нервно усмехнулся я, чтобы как-то разрядить тутошнее напряжение. Его, знаете, невольно вызывало ощущение, что за этой дверью кто-то сейчас колдует, жить нам дальше или лучше откровенно помирать?..

— Вы понимаете, здесь не шутят... — строго заметила стоявшая рядом со мной больная с большой мясистой опухолью на лысом затылке, словно это был некий всевидящий и всеконтролирующий орган какого-то подселившегося в нее представителя инопланетного разума.

— Поглядим на ваши шуточки, когда вам огласят диагноз... — уже почти сочувственно добавила она особым внятно-мудрым голосом человека, у которого все внутри изъязвлено жестким рентгеном и отравлено химатакой.

Сдержанно вздохнув, я мысленно пожелал ей выздоровления.

Прием больных по времени вот-вот должны были начать. Уже торопливо зашли и сели вдумчиво изучать их крайние (или последние в жиз-

ни?) анализы более чем сосредоточенные онколог, радиолог и химиотерапевт во главе с замом главного врача, — удивительно красивой и статной женщиной. Будто ангелы-хранители слетелись. Вернее, судя по строгости их лиц, они больше могли проходить по части тех представителей сил небесных, кажется, архангелов, которые разводят поток душ в рай и в ад. В их умной строгой сосредоточенности было нечто от солидных бывалых преферансистов, привычно севших расписать джентльменскую пулюку. Какая-то бабулька, совсем видно сдавшая, так даже перекрестилась на врачей этих.

Вечный час мы ждали трубный глас провозвестный. Это был канун нашего местного больничного апокалипсиса.

Внутри атома материя не существует в определенных местах, а, скорее, «может существовать»; атомные явления не происходят в определенных местах и определенным образом, наверняка, а, скорее, «могут происходить».

Сидим и стоим все с какой-то отчаянностью, губы напряженно подбрав, а многие так и вовсе переутомленно зажмурясь: затравленные, горестные, обиженные, ошупевшие, очень хорошо и очень плохо одетые — все как один скукоженные, согнутые, вывернутые или перекошенные. Здешние лампы светят ярко, бодро, да и солнце июльское еще задорно прибавляет освещенности коридорам онкодиспансера — однако здесь, несмотря ни на что, будто бы царят глухие унылые сумерки. Еще и собака плаксиво подвывает под окнами, словно палкой побитая, так что из последних сил.

И тут вдруг аккуратно зашла в этот наш предбанник-чистилище какая-то юная, вызывающе лысоголовая худышечка в серебристом комбинезоне, словно бы вовсе пустом, так как при ее практически нулевом объеме ему облегать было нечего. Зашла, будто пола не касаясь ножками. Так что точнее сказать, она вплыла, ведь в отличие от всех нас худышечка явно пребывала в состоянии невесомости. И тихо, молча села там, где и сесть, казалось бы, из-за тесноты не было никакой возможности. А вот она легко вписалась со своей удивительной, нечеловеческой бестелесностью. Подбородочек остренький строго, гордо приподняла. Личико аккуратное, но пронзительно бледное — при беглом на него взгляде воспринимается сплошным матовым пятном. Только и видны на нем ее черные емкие и какие-то безразмерные глазища. Головушка дерзко, вызывающе блистает бледно-серебристым гляncем. Словно это мода какая-то инопланетная. Такой чистоты кожи вам ни один самый маститый и вдохновенный парикмахер даже опасной отточенной бритвой не устроит. Ибо голова девчущечки выглядела так, будто волос на ней вообще отродясь никогда не было и быть не могло в силу ее неземного происхождения. Так бывает после химиотерапии, от которой волосы везде исчезают начисто. В общем, через этот блеск девичьей головки над ней словно зыбкий ангельский нимб мерцал. Хотя, не исключено, что его могло сформировать радиоактивное свечение, вызванное гамма-лучами, которого здешние рентгенологи, как видно, ей более чем щедро отпустили, борясь за ее жизнь не на шутку.

Я ни в какую не хотел поверить, что причиной ангельского нимба бестелесной девчущечки были здешние потолочные люминесцентные лампы.

Ожидая пророческий верё dictum комиссии, мы с Верой исподтишка любовались юной больной и украдкой переживали за нее.

Второй час пошел, как доктора-«преферансисты» сортировали больных на операбельных и неоперабельных да составляли оптимистические планы какого-никакого лечения, чтобы выгадать своим пациентам возможность хотя бы минутку лишнюю продержаться на этом белом свете и, может быть, краешком глаза успеть увидеть в реальности долгожданное начало воплощения планов нашего государства по улучшению качества жизни простого народа. Людей, то бишь.

Мы сидели, замерев, как дети при игре в штандер, ожидая, кого водящий «осалит» мячом.

— А где девушка, которая напротив нас была?.. — вдруг шепнула мне Вера.

Я неуместно пошутил:

— Она такая худенькая, что вполне могла затеряться в нашем перенаселенном предбаннике.

— Никакой девушки тут отродясь не было... — сердито отозвалась женщина с наглухо забинтованным лицом, как у поднявшейся из саркофага древнеегипетской мумии. Ее голос прозвучал пугающе глухо, невнятно, как если бы человек говорил через прижатую ко рту подушку.

— Я точно видела ее... И муж... — смутилась Вера.

— А очередь она занимала?

— Кажется, нет...

— Тогда, наверное, это наша Аннушка была! — вдруг с необычным у этого ВЛК-кабинета радостным теплом проговорила полная белолицая старушка, Прасковья Ивановна. Я уже знал из здешних разговоров, что ей восемьдесят девять лет и она из придонского казачьего села с лихим названием Бабка. За последние девять лет Прасковья Ивановна перенесла три операции, три курса облучения, четыре — химии и усмехалась, что ей пора бы орден какой-никакой дать, а медаль «горбатого», мол, у нее уже есть.

— Сиротинушка... — произнесла Прасковья Ивановна. — Родители у нее от рака молодые умерли, а потом он и до нее добрался... Отличница, говорят, была, на всяких олимпиадах в школе побеждала. Да только схоронили Аннушку как есть на день ее тринадцатилетия... А теперь она уже какой год иногда приходит сюда... Постоит, оглядится и всегда исчезает незаметно.

— Это мы, получается, призрак видели?.. — смутилась Вера.

— А это как хочешь, так и думай! — строго постановила бессмертная старушка, блеснув в больничных сумерках перламутровой белизной своих собственных зубов, не пошатнувшихся даже под ударами фотонов жесткой радиации. Более того, они у Прасковьи Ивановны как бы даже модными стразами игриво высверкивали.

Печальные здешние сидельцы глухо, болезненно ее поддержали.

Одним словом, старожилы диспансера были уверены, что Аннушка реально навещает время от времени как бы ставшие ей родными здешние стены. Только видели они ее тут живую или призрачную, полного согласия у них не было. Начались взволнованные воспоминания. Кто-то однажды с Аннушкой при встрече машинально поздоровался, кто-то испуганно вскрикнул: «Чур, меня, чур!» Но Аннушка никогда никому ни слова в ответ. Только молча под нимбом своим оглядывается по сторонам, будто что-то, вернее, кого-то, ищет. И была за этим ее посеще-

нием со временем обнаружена старожилками характерная примета: является она тому, кто ей понравился. Но более того, увидевший хоть раз Аннушку, всегда чудесным образом исцелялся. По крайней мере, жил еще достаточно долго.

Никто в мире не понимает квантовую механику — это главное, что нужно о ней знать.

Наконец дверь кабинета ВЛК заработала. Еще через час дошла очередь и до моей Веры Константиновны. Консилиум без обиняков решительно и строго объявил ей «срочную операцию».

— Витенька, они меня зарежут!.. — выйдя, глухо вскрикнула Вера, неожиданно больно взяв меня за руки, чтобы не упасть.

— Ради Бога, успокойся... — тихо сказал я, не делая ни малейших попыток освободиться от жесткого захвата. Если бы Вера сейчас стала в приступе отчаяния бить меня головой об стену, я бы, наверное, тоже несколько не противился этому.

— Надо найти для тебя самого лучшего хирурга...

— Разве такие сейчас еще есть?

— Я найду.

— Ты не успеешь.

Уже назавтра Вера сидела в кабинете главврача поликлиники для «старших» и «младших» дворян Игоря Аркадьевича Нестерова, моего лучшего школьного товарища. Он, я уверен, всегда помнил и будет помнить, что путь в медицину предопределил ему именно я. Такое не забывается. В пятом классе накануне летних каникул учитель пения Сан Саныч поднял расшалившегося Игорька (по-нашему тогда — Гарика) исполнить в наказание за вертлявость песню «В защиту мира» на слова Ильи Френкеля. Автора музыки не помню. «Вновь богачи разжигают пожар, / Миру готовят смертельный удар...» — сбивчиво запел мой товарищ, попутно строя всем нам веселые гримасы. Он даже не заметил, как я по принятой тогда у нас в классе традиции подставил ему карандаш под уст. Вернее, мизинчиковый карандашный огрызок, слава Богу. Вот на него будущий главный врач Нестеров и опустился с чувством исполненного долга перед всем миролюбивым человечеством. То есть попросту плюхнулся. Всем своим немалым весом «жирнихоза». С того дня началось его судьбоносное и успешное знакомство с медициной.

Игорь Аркадьевич точно знал, где еще есть прекрасные врачи, несмотря на непрекращающиеся реформы в медицине и высшем образовании.

Человечество блуждает в потемках знаний.

— Милейшая Вера Константиновна... — выслушав мою жену, сдержанно улыбнулся Нестеров, вдруг добродушно вспомнивший решающую роль в его судьбе моего карандашного огрызка. — Я ознакомился с вашими, простите, анализами. Н-да... Scio me nihil scire... То бишь, я знаю, что ничего не знаю. И все же, все же... Слава Богу, есть некая надежда. Словно бы само провидение вознамерилось вас спасти и вовремя предупредило о раковом заговоре в организме. Vive valeque! Живи и будь здоров. Вернее, голубушка, живи, живи и будь здорова! Свезло вам, свезло. Если бы не этот «пожарный» профосмотр в вашем университете, милейшая, мы вскоре могли вас потерять...

Игорь Аркадьевич потянулся к изящной белой телефонной трубке таким нежным жестом, словно намеревался погладить ее выпуклую стройную спинку:

— О вас позаботится сама Эмма Дмитриевна... — с особым удовольствием проговорил он это имя-отчество. — Наверное, вы уже догадались, о ком я веду речь?

— Нет... — покраснела Вера. Больше всего она боялась сейчас внезапно разрыдаться.

— Ну да, вы же, спаси Господи, еще новичок в этом, так сказать, «раковом корпусе»! — Игорь Аркадьевич несколько прищурился, как бы переваривая с удовольствием эффект удачного и вовремя употребленного словца. С явным выходом на некий больший смысл, благодаря изящной ассоциации с некогда популярным «нобелевским» романом Александра Исаевича. Он сию книжицу, «Раковый корпус», во время оное, в семидесятых, читал еще в самиздатовском варианте на тонкой, вернее, на совсем тонкой, как из тумана сотканной полупрозрачной бумаге. До сих пор ему помнится тот ее мягкий, трепетный звук, с каким она переворачивалась.

Игорь Аркадьевич на минуту вдохновенно, с толикой мальчишеской азартности задумался, а стоит ли сейчас рассказать этой красивой, бледной женщине с таким нежным, жертвенным взглядом, какой был только у дворянок позапрошлого столетия, давнишнюю историю его чтения «Ракового корпуса» Солженицына?

«В другой раз... Нет-нет, не теперь, кажется... Не стоит, право...» — наконец, ясно определился он, тем не менее, сожалея, что не озвучил одну из самых удивительных историй своей советской молодости. Ту самую, когда книгу писателя-диссидента ему, тогда еще рядовому практиканту, дал «почитать» на ночь не кто иной, как курировавший в те времена «дворянскую» поликлинику капитан госбезопасности Василий Васильевич Лиходед. Он, кажется, застрелился после развала СССР...

— Эмма Дмитриевна, скажу вам, это хирургия от Бога, — нежно проговорил Нестеров. — И человек замечательный! Сверхзамечательный, доложу я вам. И мы сейчас ей позвоним!

Эмма Дмитриевна не ответила.

— Наверное, на операции наша Эмма Бовари! — вдохновенно улыбнулся Игорь Аркадьевич. — Ну да ничего, милейшая Вера Константиновна. Я дозвонюсь. В любом случае, там, в больнице, когда вас положат на операцию, запросто скажите Эмме, что вы от меня.

Он еще раз поглядел анализы Веры и с силой опустил обе свои руки на стол перед собой:

— Вашу болезнь еще можно поймать. Она пока проявила себя достаточно локально...

Из смоленских записей 1969 года.

В смоленском селе Мужижкое на танцы молодежь собирается в клуб летом часов в одиннадцать вечера. Идут через лес. Клуб — домишко в два окна, две тусклых лампочки, за стеной — сырзаводишко.

Девки поют по дороге. Сдержанно. Парни слегка пьяные, но достаточно еще тихие. На разгоне.

Танцуют «шерочка с машерочкой». Вальсируют. Хотя гармонисты, их трое, играют остервенело, кто во что горазд. Рвут меха и душу. За полночь девки выносят на середину клуба стул и кладут на

него ремень; какой-нибудь парень берет его, подходит к облюбованной девчонке и несильно бьет им по ее плечу или спине. Далее с форсом бросает ремень на пол: знак, она пойдет с ним! Вопрос решен. Их тут же выгоняют обоих на улицу в теплый туман этим же ремнем. А если парень, оглядевшись, положит ремень обратно, тот достается другому ухажеру. И так далее под осатаневшую гармошку. Все по очереди. Вместо парня ремень может взять девушка. Тогда ей следует ударить своего избранника. И если, оттянув того ремнем, бывает, очень ощутимо, она также бросит его себе под ноги, обязательно удало дробью пройдет «с перебором», тогда парень шагает за ней, нарочито понуро схватившись за голову. И их тоже поторавливают на выход тем же ремнем. Такой обычай назывался «ремешок». Если нет стула — ставили гармонь под ремень. Еще деталь решительная, без которой никак нельзя: после танцев на почве ревности обязательно завязывается драка, всегда с ножами. Но никто не заявлял, если даже его пырнут. Серьезных ранений не бывало. Вот такое БДСМ имело место на Смоленщине полвека назад.

— Не хочу никакой операции!.. — это были первые слова Веры, когда она вернулась от Игоря Аркадьевича. — Пусть все идет своим чередом... Если Боженька решил, чтобы я заболела и умерла, надо это смиренно принять...

Она говорила с вдохновенным бунтарским выражением на лице.

— А если наверху приняли решение, чтобы ты заболела и выздоровела, проявив в пример всем остальным достойное мужество и волю к жизни? — твердо сказал я, словно был своим человеком там, на небесах, где выносятся вердикты как всему человечеству, так и его отдельным особям.

Вера опустила на колени перед нашим домашним иконостасом. Я возле него всегда испытываю обостренное чувство вины. Мне кажется, что иконам в доме такого, как я, обычного, изначально греховного человека, больно находиться.

Самой собой, к Вере это не относится. Этот домовый иконостас ее рук дело. Она его старательно, душой собирала долгие годы по разным храмам и монастырям. То есть не просто покупала иконы, а всегда брала ту, с какой у нее неожиданно устанавливалась незримая тонкая связь.

Мне показалось, что лики нашего иконостаса сейчас сострадательно смотрят на Веру. Я напряженно молчал. Чтобы не помешать ей услышать их ответ.

Ответа не было.

— Я стану калекой. Тебе оно надо, Витенька? — поморщилась Вера. — Больная жена никакому мужу не нужна... Нет, я откажусь от операции. И будь что будет.

И тогда я рассказал Вере одну историю, которую недавно мельком услышал, натягивая на свою уличную обувь бахилы в предбаннике онкологического диспансера. До сих пор я почему-то не решался это сделать. Наверное, эта история ждала своего часа. Кажется, он настал. История была про пожилую пару. Идеальную во всех отношениях. Эти муж и жена так любили друг друга, что, несмотря на свои преклонные годы, всегда и везде ходили, держась за руки. В чести у них было домашнее пение романсов в два голоса, чтение вслух Лермонтова, Чехова или, скажем, Тютчева. А когда у нее вдруг обнаружили неоперабельный рак, он покончил с собой, чтобы не видеть ее смерть.

- А она выдворовела? — до слез смутилась Вера.
- Я этого не понял, а переспросить было неловко...
- Ладно, пусть режут... — вздохнула Вера.

Когда кто-то в семье собирается в командировку, это полдела. Почти незаметная процедура, лишь слегка ускоряющая темп привычной домашней жизни. На порядок суетней предстоящая поездка на дачу. Но ничто не вносит в дом столько хаоса, как тот особый случай, когда кому-то из близких предстоит лечь в больницу. По крайней мере, у меня создалось именно такое впечатление.

Как только Вера принялась складывать вещи, которые будут нужны ей «там», а также с некоторой долей вероятности могут быть нужны ей «там», или могут ни с того ни с сего «там» вдруг потребоваться, я понял, что она заберет в больницу все, что имелось в доме.

Как бы там ни было, в центре зала, оттеснив к стене мое кресло и журнальный столик с моей любимой изящной арабской черной вазой, своевольно раскорячилась бродяжная ватага разномастных сумок и пакетов. Вид у них был просто хулиганский.

Я не выдержал, когда Вера извлекла из какого-то тайника два масляных тома мудрых выражений и крылатых фраз человечества.

— И какой врач приписал тебе такое зелье? — насторожился я, уверенный, что с психиатром Вера точно не общалась.

— Это мой подарок тебе на День рождения.

Я так растерялся, что не сразу смог вспомнить, когда он будет и есть ли он вообще у меня?

— погоди, на дворе июль, а я родился в феврале.

Я для большей убедительности покосился на календарь.

— Ничего. Я специально купила тебе подарок заранее.

— Это теперь так принято?

— Не знаю. Лично я сделала это на тот случай, если не очнусь после наркоза... — тихо проговорила Вера.

Я возненавидел себя.

Под вечер, как нам было назначено, я привез Веру в онкологическую больницу. Истекал шестой час. До захода Солнца оставалось немало времени, и оно своим предзакатно блестящим, острым светом присутствовало везде. Июль даже на излете своем донельзя переполнен Солнцем. Оно словно старается про запас, памятуя про будущие глухие сумеречные зимы.

Есть ли будущее у нас с Верой?..

Эйнштейн выдвинул постулат: ничто не может двигаться быстрее скорости света. Но квантовая физика доказала: субатомные частицы могут обмениваться информацией мгновенно — находясь друг от друга на любом удалении.

Здание больничного корпуса выглядело так, словно оно тоже было поражено раковой опухолью. И, скорее всего, «неоперабельной»: одна его половина смотрелась вполне прилично со своей перламутровой пластиковой отделкой, другая в затаенном полувековом ожидании ремонта печально выставила наружу свои древние стены из осыпающихся, болезненно трухлявых кирпичей. Красными они, наверное, были только от стыда за себя...

Из моих смоленских берестных записей лета 1967-го:

«Петух, прокричав, стыдливо постанывает.

У гусей такой вид — к кому бы придраться?

Таракан за стеной тикает как часы — «циркун». По-нашему — сверчок.

Боров в сарае чешется — сарай ходуном ходит. Из щелей — пыль столбом.

Девочка 5 лет хочет, когда вырастет, стать коровой, чтобы давать много-много вкусного молока.

Бригадир на конторе повесил наряд: «Дунька — на прополку, Манька — на сено, Гашка — на лен». И так далее.

У всех волосы на солнце выгорают, а у здешнего пастуха — чернеют.

Старики пастуха зовут «Васька-Васька» (Василий Васильевич).

Из словаря Васьки-Васьки: «Лягушки — болотные соловьи. Всю зиму в туфлях проштудировал. Вам здравствуйте! Жаркота она и есть жаркота!»

На мой рассказ о запуске станции «Венера-4» Васька-Васька ответил так: «Вот это новость, это надо другим понятие дать, ишь!»

Мелентьевич, пенсионер со стажем, по поводу женитьбы пьяницы Захара на пьянице Женьке: «Разве это женитьба? Карикатура одна. Критика».

Здешний портной, обувщик и печник Сапог, когда покупал на базаре мясо, почему-то всегда настырно домогался, как забитую свинью или корову звали: Борька, Васька, Зорька, Мишка?..

Сын, отказываясь сидеть на материнской шее, говорит: «Что ж я буду мамкину корову жевать?»

Мелентьевич видит у прилавка Захара, с похмелья ждущего бутылку пива в долг, и спрашивает, хитро щурясь:

— Как чувствуешь себя, мальь?

— Как выкуренная папираса...

Поверье: если помочиться в лужу, — мать умрет...

Неподалеку от онкологического стационара стояла аккуратная деревянная часовенка, словно чистилище перед операцией на тот случай, если душа так-таки отойдет в горний мир. Чтобы ей легче летелось без обременительного лишнего груза.

— Я зайду в часовню одна... — потупилась Вера.

Я почти час мысленно молился вместе с ней на ступеньках паперти.

Хирургическое отделение располагалось на верхнем третьем этаже. Когда мы поднимались, я был показательно вежлив со всеми, кто ни попадался у нас на пути: ласково здоровался с каждым, мигом кидался поддержать оступившегося и даже с умилением назвал «бобиком» лежавшую на лестничной площадке невесту откуда взявшуюся огромную грязную черную собаку. По крайней мере, это вряд ли был Мефистофель, так как нигде поблизости Фауст мной не наблюдался. А когда дежурная сестра приветливо заговорила с нами, я едва сдержался, чтобы не поцеловать ей руку. Одним словом, меня взволнованно подмывало во всем находить здесь такие примеры, которые бы могли убедить Веру, что сюда приходят не на заклятие. То есть, всюду жизнь! Почти как на знаменитой картине Николая Ярошенко.

Когда Вера приступила переодеваться в больничное, у меня перехва-

тило дыхание. Я словно бы только сейчас понял, что происходящее с нами не виртуальная игра. Возможно, мы стоим рядом последний раз в этой жизни.

Как бы между делом Вера протянула мне какой-то листок. На нем было что-то написано ее новым, неразборчивым почерком, какой появился с тех пор, как она стала много работать на компьютере, строча свою диссертацию о смертной казни. В любом случае, мне и в голову не пришло брать сюда очки.

Я вздохнул.

— Это телефон и адрес Алины Алексеевны, — строго проговорила Вера. — Если я умру здесь, свяжешься с ней. Конечно, не в первый день после моих похорон. Это моя лучшая подруга. Замечательная женщина. Одинокая. Еще красивая. Лучшей новой жены тебе не найти. Мы с ней эту тему уже обсудили.

Вера усмехнулась. Усмешка тоже была строгой. Более чем.

Я порвал листок.

— Ничего, она сама тебя найдет... Мы с Алиной этот вариант рассмотрели.

Мир частиц нельзя разложить на независимые друг от друга мельчайшие составляющие; частица не может быть изолированной.

Операция была назначена на утро, но для Веры она началась еще ночью, когда череду ее обычных обрывочных и каких-то мультяшных видений вдруг сменил четкий цветной 3-D сон. Он явно был с той полки, где мозг хранит до поры до времени ночные «ужастики»: операционная, похожая на внутренности модуля космической станции, — яркие экраны, какие-то фантастические лампы и загадочные приборы. Все затянато эфемерной неземной сиреневой дымкой. На ядовито-зеленой простыне, постеленной поверх горчично-желтой клеенки, на никелированном операционном столе мертвенно лежит Вера; рядом озабоченно склонилась над ней с блестящим жалом скальпеля еще одна Вера в синем комбинезоне. А в дверях, с волнением и наивным ужасом удивленно смотрит на все происходящее третья Вера, еще школьница, в ее любимом выпускном голубом платье. Но главная деталь этого сна — из прорези комбинезона на спине второй Веры, занесшей хирургический скальпель, между лопаток торчат маленькие, но какие-то мускулистые крылья с мерцающим матовым отблеском, явно ангельские.

Когда Веру утром везли в операционную, я тайком подсмотрел эту процедуру из коридора. Вера все-таки заметила меня и нежно помахала рукой. Она всегда радовалась, если мы неожиданно встречались. Скажем, одновременно приезжали с работы или пересекались по своим делам в каком-нибудь учреждении.

Атом состоит главным образом из пустого пространства. Если увеличить его ядро до размера баскетбольного мяча, то единственный вращающийся вокруг него электрон будет находиться на расстоянии в тридцать километров, а между ядром и электроном — и вовсе ничего. Так что, глядя вокруг, помните: реальность — это пустота...

В операционной, вовсе не похожей на ее космический аналог из сна, за обычной облезлой и слегка приоткрытой в общий коридор дверью, медицинские сестры хирургического отделения готовили инструменты. Металлический лязг почему-то напоминал мне звук раскладываемых ножей, ложек, вилок и прочих приборов в кафе, в котором некто заказал праздничный ужин, скажем, для встречи одноклассников.

Предстоящая операция, как не покажется странным, подсознательно воспринималась мной словно некий ритуальный праздник. Точнее, торжественное жертвоприношение во имя избавления от темной сверхъестественной силы, которая насылает на человечество эти самые атипичные клетки.

Необычная болезненная радость и почти истерическое воодушевление нарастали во мне. Я нагло подошел к самым дверям, невзирая на пораженных ужасом моего недопустимого поступка медсестер и нянечек. Мне никогда не приходило в голову примерить на себя образ Ангела-хранителя. Сейчас мне обостренно захотелось им стать. Мгновенно. Я даже вспотел, так это ярко нахлынуло на меня.

Мимо в операционную быстро, целенаправленно и в то же время бережно-мягко прошла та самая уникальная Эмма Дмитриевна. В моих глазах сейчас это был не хирург областной больницы, а самый что ни на есть жрец, готовящийся к священному искупительному действу. Я смотрел на нее, как оглашенные и кающиеся, не допущенные к Святому Причастию, смотрели из притвора храма сквозь размазанный блеск свечей и сизую поволоку ладана на высшее таинство Евхаристии.

Эмма Дмитриевна вошла в операционную с облупленной краской на дверях с таким торжественным и радостным выражением на лице, с каким, наверное, монаршие особы входили в блиставший золотом и каррарским белым мрамором тронный зал.

Напротив операционной с ее невзрачной дверью был туалет с еще более невзрачными дверями.

Эмма Дмитриевна шла одарить благодатью недужных. Там, где она проходила, все люди, остававшиеся у нее за спиной, вдруг беспричинно чувствовали себя счастливыми. Они словно впадали в эйфорию позитива.

Эмма Дмитриевна на миг поглядела на меня своим радостным, смелым взглядом, и я увидел в ее глазах счастливую уверенность в успехе операции. Я тоже почувствовал себя счастливым.

Операция началась в полной тишине. словно Эмма Дмитриевна, хирургические сестры и Вера для исполнения своих магических ритуалов переместились в некое неведомое запредельное пространство.

Наконец, я устал прислушиваться к пустоте. Тем более что возле меня остановились женщины из соседней палаты с громким, веселым разговором. Тон в нем задавала уже знакомая мне по предбаннику у кабинета ВЛК полная белолицая старушка о девяноста неполных годах. Та, что из придонского казачьего села с лихим названием Бабка. Посверкивая перламутром своих вечных зубов, бессмертная забавляла соседок по палате разговором на тему, кому и какого жениха она ныне сыщет. В общем, шел веселый дележ хоть на что-то годных здешних мужиков.

— Без Карповны мы бы тут совсем окоченели от переживаний... — зачем-то застенчиво призналась мне одна из женщин.

Я вдруг вспомнил странную историю с Аннушкой, и почему-то мне захотелось еще раз поточней расспросить про эту девчущечку именно у

Карповны, но бабье царство вдруг дружно переместилось в палату договаривать там самые пикантные подробности предстоящего выбора женихов. Как успел я понять, первым среди них был заместитель главного врача, по всем показателям полнейший красавчик.

Шла двадцать первая минута операции.

Неожиданно раздался апокалипсический грохот: угрюмая пожилая санитарка на кособокой судорожной тележке везла обратно в столовую после завтрака горы опустошенных большими мисок. Это они громогласно более чем издавали какофонию абсурда. Мне вдруг показалось, что нет ничего парадоксальнее и грустнее того, что обреченные на смерть здешние пациенты, тем не менее, едят, а некоторые едят с аппетитом. Я с брезгливостью смотрел, как мимо меня подвигается дрожащая гора объедков — недопитые стаканы с нелепым фиолетовым какао, пакетики смятых чайных «утопленников», съезжившиеся остатки непонятно какой каши и ажурно надкусанные кусочки хлеба с блестками масла, которое я не решусь в приличном обществе назвать сливочным.

Мне вдруг пришла мысль подхватить эту судорожно ерзающую громозвучную каталку и выбросить в окно.

Физик-теоретик Вернер Гейзенберг признавался: «Я помню многочисленные споры с Богом до поздней ночи, завершившиеся признанием нашей беспомощности; когда после спора я выходил на прогулку в соседний парк, я вновь и вновь задавал себе один и тот же вопрос: «Разве может быть в природе столько абсурда, сколько мы видим в результатах атомных экспериментов?»

Наконец, я услышал хоть какой-то звук за дверями операционной: кажется, Эмма Дмитриевна что-то сказала. Мне показалось даже, что голос ее прозвучал возвещающе бодро, почти весело.

Я машинально перекрестился.

За окном была видна маковка здешней часовенки и призрачно белесый, с фиолетовыми прожилками край тучи: кажется, накатывалась грузным, провисшим валом азартная июльская гроза. Пруток маленькой березки на крыше заброшенного корпуса стационара трепетал очевидней классической в этом плане осины.

Судорожно дернулся мой смартфон, заглотив звонок. А ведь он был, кажется, отключен.

Ко мне прорвался молодой, перспективный проректор Большов.

— Я не могу дозвониться до Веры Константиновны! Она уже прошла профосмотр?!

— Проходит... — шепнул я. — Сейчас началась самая важная завершающая фаза.

— Пусть поторопится! Напоминаю, иначе мы не допустим ее до работы. Вплоть до увольнения!.. Мы ценим ее заслуги перед университетом. Но забота о здоровье сотрудников у нас должна быть на первом месте!

— Вас понял... — вздохнул я. — Успеха вам в вашей большой работе...

Предполагаемая некоторыми ведущими квантовыми космологами связь сознания со Вселенной все более становится очевидностью, хотя и не укладывается в воображении.

Операция действительно закончилась. Она длилась всего сорок минут. Мне показалось, она была длиной в целую жизнь. И теперь их у меня две.

Мы не можем утверждать, что атомная частица существует в той или иной точке, и не можем утверждать, что ее там нет. Будучи вероятностной схемой, частица может существовать одновременно в разных точках и представлять собой странную разновидность физической реальности: нечто среднее между существованием и несуществованием.

Вера с трудом приоткрыла веки и увидела меня.

— Больно... — тихо сказала она.

И лицо, и голос ее были неузнаваемы. словно это лежал под серой застиранной простыней, натянутой почти по самые глаза, совсем другой человек, донельзя отяжеленный грузом нового необычного понимания здешнего мира. Мне показалось, что мы теперь не сразу сможем с Верой найти общий язык, если вообще сможем. У всех здешних больных такие лица, которых вы не увидите ни в обычном хирургическом отделении, ни, тем более, в терапии. На них и вселенская оскорбленность за свой диагноз, и глухое презрение к самим себе, и, страшно сказать, преодоленный страх смерти и чуть ли не особое, возвышенное уважение к ней. Таких отрешенных, философских лиц в онкологии немало.

Я шел за каталкой. Вера, кажется, снова спала. Ее головушка покачивалась то влево, то вправо. В такт с подпрыгиванием дерзко стучащих колес.

У дверей реанимации она вдруг медленно приоткрыла глаза и как подвынырнула в этот мир из глубин Вечности. Вера тихо, словно бы даже не мне, шепнула чужим, нечеловеческим голосом: «Воды...»

В настоящее время известно около 400 субъядерных частиц, которые принято называть элементарными. За исключением фотона, электрона, протона и нейтрино все они время от времени самопроизвольно превращаются в другие частицы.

В буфете стационара меня без длинных объяснений завернули: «Примечка товара!» Оставалось перебежать через улицу в аптеку. Правда, в неполюженном месте. Пешеходный переход расстелил «зебру», как ковровую дорожку, метрах в двухстах от меня. Стремительно темнело. Грозовой вал старательно заасфальтировал небо над городом. Вся эта грандиозная небесная работа совершалась в полной тишине. И тишина эта была такой объемной, что, казалось, в нее можно провалиться.

И тут этот резкий удар слева. Точно хук от невидимки. Удар отозвался во мне такой болезненной вибрацией, от которой способна оторваться челюсть. словно в меня воткнули работающий отбойный молоток.

Это была молния. Она врезалась метрах в трех от меня. При этом никаких световых эффектов. Только сокрушительно трескучий звук, способный сбить с ног.

Я упал. Вернее, опрокинулся на горячий июльский размягченный асфальт. Все равно приземление было достаточно жестким. На память о себе молния оставила мне густой жужжащий электрический рой в голове, глухоту, онемевшую левую щеку и надежду на особое мистическое просветление в итоге.

Полежав ровно столько, чтобы никто не успел отреагировать, как этот слишком куда-то торопившийся гражданин оказался ничком на асфальте, я неуклюже поднялся. Шел, само собой, медленно. А вы бы смогли бежать, когда у вас под носом взорвались десятки миллионов вольт? И никак не менее того.

В аптеке я не сразу смог вспомнить, зачем я сюда пришел. Потом я не мог вспомнить, какую минеральную воду пьет Вера. Взял «Святой источник». Название показалось уместным для сложившихся в нашей жизни обстоятельств.

Когда я вернулся, Веру уже закрыли в реанимационном блоке. TerraIncognita. Но я и туда смог войти. Особенно после удара молнии. Не применяя шоколад, духи или коньяк. У меня открылось какое-то второе или даже третье дыхание. Как бы там ни было, никто из персонала меня не остановил. Просто все молча сторонились. Возможно, я мог искрить. Или флюоресцировать.

В любом случае, мы с Верой поначалу не узнали друг друга.

И вот странный феномен: мне казалось, что это я сам лежу в реанимации в окружении многое знающих обо мне заумных приборов, опутанный проводами, трубками и шлангами; она же казалась себе мной и не понимала, почему ей не удается подойти ко мне еще ближе, чтобы услышать мой потусторонний шепоток.

Способность к взаимным превращениям — это наиболее важное свойство элементарных частиц.

— Я... тебя... так... люблю... — дискретно проговорила Вера голосом ржавеющего робота, у которого критически подсел аккумулятор.

— Я... тебя... тоже... — тихо и тоже вовсе не голосом Ромео, и даже не своим отозвался я.

Наверное, мне было неловко демонстрировать моей тишайшей Вере не утраченную силу моих голосовых связей. Я физически ощущал, как в ней только что стремительно работал скальпель, безжалостно кромсая цитадель атипичных клеток. Могла сказать на моем шепоте и недавняя почти контактная встреча с рассерженной молнией. Такое тесное общение с миллионами вольт наверняка способно многое поменять в человеке. Я чуть ли не с гордостью ждал, что за таинственные превращения отныне будут происходить со мной. Более того, мне хотелось, чтобы они произошли.

— Как... плохо... что у нас...нет... детей... — донеслось со стороны Веры.

— Что возвращаться к этой теме?... — напрягся я. — Ты же хорошо знаешь, что даже врачи так ничего и не поняли в этой проблеме за сорок лет нашей совместной жизни! И вообще тебе нельзя сейчас разговаривать... И думать о грустном.

— Пришли бы детки сейчас мамку проведать, поплакали возле меня... — как прорезался у Веры ее обычный голос.

— Давай я поплачу... — вздохнул я и только сейчас ощутил, что от меня пахнет озоном. Это был сильный и неповторимый аромат. С земляничным оттенком. Вот такой он из себя, этот незабываемый небесный парфюм. Молниеносного действия.

Я только собрался вдохновенно рассказать Вере о стремительной молнии, с которой подружился накоротке прямо на пешеходной зеб-

ре, как именно в это время мое нахождение в реанимационной все-таки обнаружил дежурный врач. Однако он ничего не успел мне сказать, так как, похоже, потерял дар речи: или от моей беспардонности, или во мне далеким сполохом, как последнее прощай, мелькнула та самая моя прекрасная оглушительная искра из вызревшего грозного грозового облака.

Квантовая теория показывает, что вещество постоянно движется, не оставаясь ни на миг в состоянии покоя. Скажем, взяв в руки кусок металла, дерева и так далее мы этого не слышим и не чувствуем. Но стоит рассмотреть его при очень сильном увеличении, откроется яростный хаотичный вихрь частиц, похожий на стремительный рой насекомых.

В вестибюле стационара я с трудом судорожно вылез из одноразового, легко рвущегося в клочья хирургического халата-накидки ядовито-зеленого цвета, как бабочка из ставшего ей тесным кокона. Сожаление, что я не рассказал Вере о своем молниеносном крещении, не оставляло меня. Хотя возражайся. Вера обязательно должна знать, что я только что видел на расстоянии вытянутой руки пляску изящно-тонюсенькой, пламенеющей сине-зеленой струи. Мы окончательно породнились с ней. Ведь она тоже видела свою молнию. Правда, в детстве. Они тогда жили в сельской школе, где ее папа работал директором. Вера несколько раз, всегда с особым волнением, рассказывала мне, как это произошло: «Знаешь, такой длинный широкий коридор... Уроки давно закончились. Я стала во что-то играть с куклой и бегать с ней туда-сюда, словно наперегонки сама с собой. Как что-то вдруг ослепило меня! Я решила, что увидела солнышко в окне... И вдруг от испуга уронила куклу... Это яркий шарик, похожий на большой апельсин, попискивая, как наш первый советский спутник, аккуратной облетел меня с таким видом, словно что-то сосредоточенно рассматривал во мне. Я как вмерзла в пол от страха. Молния словно улыбнулась и медленно вышла из школы прямо сквозь ее обмазанную глиной стену. Тут вышел из кабинета мой папа Константин Яковлевич. Как всегда на ходу протирая очки. Он очень испугался, увидев в темном пустом коридоре свою бледную, беззвучно плачущую дочку. Я тогда заговорила не сразу... Как дар речи до утра потеряла. Но и позже я так и не смогла сразу объяснить, что приключилось со мной. Сколько папка потом не объяснял мне про шаровую молнию, которая всего-навсего есть закрученный поток электронов и протонов, я до сих пор верю, что она была живая. И она хотела мне что-то важное рассказать. А я, дуреха, своими слезами спугнула ее...»

В том, что теперь мы оба с Верой видели рядом молнию, пусть и в разное время, было что-то по-особенному нас объединяющее и таинственно знаковое. Ведь молнии, как известно, зажигают космические лучи, пришедшие из глубин Вселенной...

Пары элементарных частиц в прямом смысле ведут себя как одно целое. Каким-то образом каждая из них всегда знает, что делает другая. Они способны мгновенно сообщаться друг с другом независимо от расстояния. Не имеет значения, 10 миллиметров между ними или 10 миллиардов световых лет.

Когда я уходил, в вестибюле навстречу мне со стаканом уныло бледного чая со сморщенным «утопленником» вышла из-под лестницы здешняя дежурная. Я толком не знаю их обязанностей, но в основном они, кажется, отслеживают, чтобы на посетителях были накидки и бахилы. Правда, иногда их по самой что ни на есть загадочной причине охватывает работун, и тогда они вдохновенно приступают к тотальной проверке сумок посетителей на предмет поиска неразрешенных продуктов. При этом «шмонают» безобидные апельсины, виноград, сыр, колбасу и так далее с таким пристрастием, каким наделены далеко не все сотрудники службы исправления наказаний, принимающие «передачи» для заключенных.

Увидев меня, эта женщина вдруг споткнулась на ровном месте и упала. Я едва успел ее подхватить. Стакан и чай спасти не удалось. Они прекратили свое земное существование на здешнем кафельном полу. Неужели это так сногшибательно сказалась моя дружба с молнией? А что будет дальше?..

— Ви-тя-я-я!.. — густо простонала дежурная на грани безудержного плача.

В этой полной седой женщине с нежными черными усиками я напряженно узнал Лену, свою первую школьную любовь. Вернее, вообще первую. Мне стало немного стыдно, что во мне от прежних охов и ахов ничего не осталось. Как я ни пытался найти в себе давние сполохи моих более чем романтических чувств. Минут десять у нас ушло на торопливые сбивчивые воспоминания. Оказывается, в этом году исполнилось ровно сорок пять лет, как мы окончили школу.

Если вы знаете, как быстро движется квантовая частица, вы не можете знать, где она находится. И наоборот: если вы знаете, где она находится, вы не можете знать, с какой скоростью она движется.

— Я все эти годы искала твою фамилию среди космонавтов! И советских, и российских! Даже американских! — с восторженным умилением хрипловато воскликнула Лена, чем печально напомнила мне о моих юношеских порывах по поводу полетов в Космос. — Но ни разу тебя так и не нашла... Коленька, мой покойный муж, говорил, что тебе, наверное, приходилось выполнять исключительно секретные задания. Он так успокаивал меня или это правда?..

— Правда... — почти уверенно сказал, мысленно попросив извинения у Коленьки, моего давнего соседа по парте, с которым мы так вдохновенно разрисовывали ее чернильными ракетами, луноходами и инопланетянами.

— Я так счастлива за тебя! — мощно просияло многоступенчатое большое лицо Лены. — Мы все знали, что ты необыкновенный человек! Прости, что я тогда изменила тебе с Коленькой... И прямо накануне свадьбы!

— Мы собирались пожениться?

— Уже сняли зал в столовой педуниверситета!

Я отвратительно ничего не помнил. И Фрейд с его теорией вымещения тут явно ни при чем. Молния — тоже.

Мне стало стыдно. Как мальчишке.

— Бывает... — ляпнул я.

— А у тебя кто тут?

— Жена.

— Пока я дежурю, я тебе во всем помогу. Обращайся с любым вопросом! — деловито проговорила Лена. — Жду тебя завтра! Я тебе оладушек своих фирменных напеку! Румяненьких! С изюмом! Помнишь, как ты их любил?!

— Спасибо... — смутился я, потому что насчет кулинарных способностей Лены в моей памяти почему-то тоже не осталось никаких следов.

— И жену ими угостишь! — восторженно вскрикнула она.

— Обязательно... Конечно, конечно... — покивал я, медленно отступая.

Если мы имеем две одновременно возникшие частицы, то это означает, что они взаимосвязаны. Отправим их в разные концы Вселенной. Затем изменим состояние одной из частиц. С другой — мгновенно произойдет то же самое. На другом краю мироздания...

На улице возле здешней часовенки стояли Катя и Дмитрий. Рядом с ними, сутулясь, примостилось их Горю, пряча лицо в капюшоне наподобие куклы монаха высшей схимы, — шлема спасительного упования и беззлобия.

— Как Вера, старик?.. — тихо проговорил Дмитрий, взяв меня за руку выше локтя. — Мы, понимаешь, собрались ее проведать. Спаси Господи...

— Спасибо, ребята... Она еще толком не отошла от наркоза... — шумно, едва ли не до головокружения, вздохнул я. — А как вы узнали, что Вера здесь?..

— Наша Аннушка рассказала... — странно, будто бы наискось, покивала Катя, как человек, который не совсем в ладу со своим телом.

— Понятно... — машинально отозвался я. Имя «Аннушка» показалось мне почему-то знакомым, но что было с ним конкретно связано, в памяти никак не всплывало.

— Она обещала провести нас к Вере. Но что-то опаздывает... — Дмитрий хотел оглядеться по сторонам и неловко пошатнулся. Он заметно сдал за эти дни. Я старался не смотреть ему прямо в глаза, словно окруженные траурными черно-зелеными кругами.

— Эта ваша Аннушка работает в онкологии?... — тупо пробормотал я.

— Не знаю... Но мне кажется, она здесь все входы и выходы знает... — строго вздохнул Дмитрий. — А познакомились мы с ней на днях возле Всецарицынского храма, когда пришли сорокоуст по Лене заказать. Вернее, познакомились — это не совсем точно будет сказано. Мне показалось, что она сама к нам подошла и заговорила. Но утверждать не берусь. В нашем с Катей состоянии мы словно живем в каком-то странном квантовом мире. И там совсем другие понятия объективности, времени, расстояний... Только знаешь, чем наш необязательный случайный разговор закончился? Аннушка попросилась жить с нами. Запросто так. Без обиняков. Точно это некое обычное будничное дело. Помогать обещала по хозяйству. Вроде сирота она, жила на квартире, а теперь хозяйка надумала ту продавать. И моя Катя сразу согласилась! Разрыдалась... Еле уняли мы ее с Аннушкой...

— Вы у нее хоть документы какие-то догадались посмотреть? — очень умно сказал я.

— Ты что, не знаешь нас?

— Знаю...

— То-то и оно... — подкашлянул Дмитрий. — Да вон она бежит... Вернее, плывет. Походка у нее какая-то странная. Не врублюсь. Точно девка над землей скользит. Сейчас я вас познакомлю. Только, Вить, ты, пожалуйста, не лезь к Аннушке ни с какими полицейскими вопросами. Мне кажется, она такая ранимая. словно вместо тела у нее какая-то зыбкая субстанция. Точно электронное облако вокруг ядра.

Я Аннушку еще издалека узнал. Это была та самая загадочная худышка в словно бы космическом серебристом комбинезоне, которой мы с Верой любовались в предбаннике возле кабинета ВЛК. Но самая главная и узнаваемая деталь была ее до глянца обритая аккуратная головка, над которой даже сейчас, днем, что-то вроде нимба нежно мерцало.

Когда электроны, вращаясь вокруг ядра, перемещаются с орбиты на орбиту, они покрывают расстояние мгновенно. То есть исчезают в одном месте и появляются в другом. Этот феномен назвали квантовым скачком.

Аннушка строго посмотрела на меня. Кажется, узнала.

— Здравствуйте... — сказала она мне с каким-то неожиданно красивым, густым тембром, который никак не совмещался с ее бестелесностью. Я сдержанно кивнул.

Подбородок остренький, тот самый. Как и ярко-черные глазищи, словно видящие одновременно все и везде, даже за спиной. А бледнющая такая, что, кажется, сквозь нее глядеть можно. Правда, как через туман. Но при всем при том — еще самый настоящий ребенок! Девчущечка. По всему видно, что топни на нее ногой, так и расплачется. Или в обморок, не дай Бог, упадет.

— Вы бы Веру сейчас не беспокоили... — вздохнул я.

— А мы как невидимки проскользнем... — маленькими своими губками улыбнулась Аннушка и странно добавила. — Веру Константиновну можно посещать. С ней все хорошо. Не волнуйтесь.

Как поведут себя объекты квантовой физики, мы никогда не можем с абсолютной уверенностью сказать наперед. У них бесконечное количество вариантов превращения.

Мне почему-то от таких ее, в общем-то, достаточно обычных слов как-то не по себе стало. Я поспешил проститься. Тем более что к нам приближалась моя одноклассница Лена, у которой, наверное, истекли ее рабочие часы. Мне было не до школярной ностальгии.

Частица не находится в определенной точке и не отсутствует там. Она не перемещается и не покоится. Изменяется только вероятная схема, то есть тенденция частицы находиться в определенных точках.

Дома я не стал ничего готовить и погасил голод холостяцким хот-догом: батон, по возможности, свежий, разрезается на две части и между них выкладываются ломтики колбасы. Из личного опыта, не рекомендую никому в это время предаваться мыслям о том, содержит ли она хотя бы следы мяса, или это изысканное произведение новейших пищевых тех-

нологий. Женатый почти полвека мужичина, впервые оставшись дома один, очень скоро узнает сам о себе много нового и порой шокирующего. Самым главным моим открытием стало то, что без Веры я не хочу смотреть телевизор, книга вываливается у меня из рук, у меня не получается умыться, побриться и так далее. Меня нигде не было в квартире. Меня нигде не было в этой Вселенной. Может быть, потому, что ее тоже не было? А почему тогда за окном звезды? Да разве это они! Россыпи городских огней гораздо более похожи на рукава Галактики...

Я почти неподвижно пролежал на диване до утра. Сны были, но урывками. Как всегда обычная галиматья, словно во сне мы лишаемся интеллекта: то я вульгарно пьянствую с Вериными профессорами, то ищу свой раритетный автомобиль, забыв, на какой стоянке я его оставил, или раздаю деньги налево-направо, кому достанется. У снов плохой режиссер, а сценарист и вовсе никудашный. Обычно я только задремываю, а сон уже тут как тут. Скользит перед глазами... Сон всегда наготове. Но мне-то он зачем? Я на него билет не покупал! Иногда я начинаю видеть сон еще на подходе к кровати. Я как-то видел сон даже на ходу. Слава Богу, сны почти тотчас после пробуждения забываются.

Назавтра утром в вестибюле онкологического стационара первое, что немедленно обратило на себя мое внимание, так это маслянистый коричневый запах оладушек, исходивший из каморки дежурного.

Эмма восторженно смотрела на меня из нее каждой клеточкой своего большого лица.

— Всю ночь пекла! — песенно воскликнула она. — Такие румяные! Такие бодрые!

— Не сейчас! — крикнул я, торопливо переодеваясь.

— Тебе сахаром оладушки посыпать?! Или с медом будешь?! — крикнула она уже вслед мне. — Чай с лимоном?!

Я отныне ненавижу оладушки и чай с лимоном. Как символ насилия над человеческой личностью.

В реанимационной палате Веры уже не было. Она без моей жены тоскливо опустела.

Я нашел Веру в другом конце коридора в настешь распахнутой палате на восемь человек. Все ее соседки показались мне каким-то одним большим многоногим и многоруким существом, болезненно ждавшим неизвестно чего. Одной из его частей, возможно, головой, была уже знакомая мне вездесущая и вечная восьмидесятидевятилетняя Прасковья Ивановна из казачьего села Бабка.

Я едва увернулся от бежавшей мне навстречу улыбчивой и озорной медсестры с капельницей. Все нормальные проявления человеческих чувств в этом месте казались мне болезненным извращением. Я с неприязнью обернулся на сиявшую свежей, задорной жизнью медсестру: она резво выскочила из палаты и уже там, в коридоре, по-детски расхохоталась.

Информация на субатомическом уровне передается между частицами быстрее скорости света вне зависимости от расстояния между ними.

— Что ты хмуришься, Витенька?.. Все хорошо... — слабо проговорила Вера, полулежа на койке из трех замордованных больничных подушек. — Ошиблись все наши патологоанатомы, ошиблись. Опухоль у

меня оказалась доброкачественная. Но очень хитро прикинувшаяся больной. У них там, в наших глубинах, оказывается, каждая клетка — самостоятельная личность со своими взглядами, привычками и даже выкрутасами!

Чтобы сказать мне все это, Вере пришлось немного нагнуться в сторону от сидевшей ко мне спиной на ее кровати какой-то хрупкой тонюсенькой посетительницы. Кажется, она поила Веру водой с ложечки.

Я закашлялся: она обернулась — это была Аннушка.

— Здравствуй, девочка... — тупо проговорил я, не отрывая глаз от Веры.

— Доброе утро, дядя, — строго отозвалась она.

Почему-то сейчас над ее голой блистающей головушкой не было того самого неземного нимба. Или он пригас до невидимости в ярких, физически ощутимых в своей фотонной плотности раскидистых лучах резвого молодого утреннего Солнца.

— Как там Дима и Катя?.. — глухо сказал я.

— Спасибо, они держатся с достоинством.

— Можно я передам им с тобой небольшой гостинец?

— Не знаю, что и сказать вам... — виновато нахмурилась Аннушка. — Я постараюсь.

— Витенька, это не девочка, а золотце... — прошептала Вера, судорожно улыбнувшись.

Понятие о локальности любого объекта мироздания, то есть, что он существует в каком-то одном месте пространства, — не верно. Все в этой Вселенной нелокально.

— Стоп, стоп, — чуть ли не ревниво насторожился я. — Речь не идет о том, чтобы ты немедленно бросилась к ним с моей сумкой отборных марокканских апельсинов! Скажем, вечером отнесешь. Там килограмма полтора. Не тяжело.

Я был доволен, что проявил заботу об этой хрупкой лысенькой девочке.

Вера приподняла руку...

— Вить, тут такое дело...

Она нежно вздохнула...

— Мы уже все с Аннушкой обсудили. Тебе сейчас покажутся странными мои слова, но это решенный вопрос. Пожалуйста. Она будет жить с нами. Может быть, мы даже удочерим ее...

Я строго посмотрел на Аннушку. Вернее, почти строго. На самом деле я посмотрел на нее озадаченно.

— А как же Дима, Катя? Аннушка, ты ушла от них? Тебе у них было плохо?

— Я могу быть сразу во многих местах... — опустила голову Аннушка.

Если Вы положите шар в одну из 2-х коробок, то в одной из них будет пусто, а в другой — шар. Но в микромире (если вместо шара — атом), он может находиться одновременно в двух коробках.

— Это выше моего понимания... — судорожно отозвался я.

— Не надо было вам запускать тот самый Большой адронный коллайдер... — вдруг тихо, внятно сказала Аннушка и заплакала.

— Что ты лезешь ребенку в душу?.. — прошептала Вера. — Оставь девочку в покое.

Я поднял руки и вышел в коридор. Я не знал, что мне делать дальше. Каким образом уложить по местам в голове все свалившиеся на меня?

Я задал своему смартфону последние новости с ускорителя, зарытого в землю на сотню метров неподалеку от Женевы. В моем представлении он напоминал стремительный двадцатисемикилометровый состав, мчащийся по гигантскому тоннелю в бесконечность.

Ответ высветился мгновенно. Он как брызнул в глаза фосфорическим фейерверком фотонов, склеенных воедино синими анти-зелеными глюонами.

Выражая глубокое сожаление в связи с катастрофическим инцидентом, произошедшим на Большом адронном коллайдере, представители Европейской организации ядерных исследований, известные также как ЦЕРН, провели пресс-конференцию, чтобы извиниться за уничтожение пяти параллельных Вселенных в недавнем эксперименте.

«Нам жаль сообщать, что при проведении исследований с участием тяжелых протонов мы непреднамеренно привели к разрушению пяти Вселенных, почти идентичных нашей», — повинулась генеральный директор ЦЕРН Фабиола Джанотти.

...Где-то через год мы вместе с повзрослевшей Аннушкой отправились на Мденцину: на меня накатило желание припасть, так сказать, к истокам. А Вера душевно настроилась в тамошних древних храмах заказать для нас всех за здоровье «Неусыпаемую псалтырь» и Сорокоуст.

Былого Мужижкого я не узнал: несколько еще живых изб да нынешнего народа человек пятнадцать, не более. Никто не помнил ни фельдшера Терехова, ни его Тамарку, Мелентьевича, Захара, Женьку или Васку... Только Сапог, единственный здешний долгожитель, спас меня от приступа амнезии.

Самое долгоживущее ядро с экспериментально измеренным временем жизни — это изотоп теллура-128. Оно на четырнадцать порядков превышает возраст Вселенной.

Сапог дружелюбно улыбнулся нам, хотя это лишь условно можно было различить на его лице между лабиринтов морщин. Улыбка как бы затерялась среди них и застряла.

— А я тебя запомнил, малый... — ласково проговорил он.

— Какая у вас хорошая память на лица! — усмехнулся я.

— Да не то ты говоришь... — вздохнул Сапог. — Я запомнил, как ты туфельки свои стаптываешь. У каждого человека это на свой манер. Давай я их тебе оба сейчас враз поменяю? Можно со скрипом наладить или веселые, с магнием, чтобы тебе искрами в темноте с форсом пыхать! А то и вовсе сгондоблю каблуки с колокольчиками!

— Так сейчас не принято... — вздохнул я.

— Нет нынче в обуви никакой музыкальности! — поморщился Сапог.

Сразу по возвращении из Смоленской экспедиции Вера настроилась вновь ехать в Костомаровский монастырь. Только чтобы с Катей и Димой. И обязательно обеих Аннушек взять с собой...

— Простите, нам с ней нельзя быть вместе... — побледнела наша Аннушка. И настолько, что у нее как бы все черты лица пропали.

- Почему, миленькая?.. — просела голосом Вера.
- Я не знаю...

Величайшей загадкой квантовой физики остается странность поведения фотона: с одной стороны, он всегда оставляет на фотопластинке точку, что несовместимо с его волновой природой; с другой стороны, он одновременно проходит через обе щели перед пластинкой, что несовместимо с его корпускулярной природой...

Утром нам позвонил проректор Большов...

Оказывается, на самом верху случилась перемена министров, и решение о слиянии педа и политеха отменено, как и некоторые других российских вузов, уже было приготовленных на заклятие. Все приказы того времени потеряли свою силу, как и тот, который освободил Веру Константиновну с должности декана гуманитарного факультета.

Обо всем этом Аркадий сообщил нам нормальным человеческим голосом. Без молодежного карьеристского пафоса, с помощью которого он, как в квесте, перерождался в настоящего масштабного чиновника. Видимо, произошедшие события стали для него хорошей школой. Или наши Аннушки всему причиной? И синие анти-зеленые глюоны, которым, наконец, удалось завершить создание нашего мира, некогда начатого Большим взрывом?..

Один из совсем недавних экспериментов показал, что квантовые частицы могут находиться одновременно в трех тысячах и более мест.

Я сердечно поблагодарил молодого, перспективного Аркадия. Верочка тоже сказала юному проректору пару ласковых фраз, нагнувшись к трубке нашего раритетного телефона. По которому вполне возможно в свое время разговаривал сам Иосиф Виссарионович Сталин.

